

Н.В. ЗАХАРОВ

АВАНТЮРИСТЫ

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Анна Ермолаева
Авантюристы. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43610715

SelfPub; 2019

Аннотация

В книге описаны события, произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями переплетаются с прошедшими временами, не менее «лихими». Все совпадения имен персонажей с реально живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Москва конца 18-го века, переживала необычайный экономический подъем. Москвичи и не подозревали, не задумывались, что причиной всему всего лишь несколько продвинутых Торговым Домом "Руковишников и К" технологиям. Они появлялись, к ним быстро привыкали и ускорялись.

Спички, дешевый кирпич, швейная машинка, керосиновая лампа. Все эти «ноу-хау» вошли в повседневную жизнь москвичей прочно и породили вокруг себя поток движения, который все шевельнул и понес.

Поток этот снес половину деревянных строений в следующем 1796-м году и поставил на их место дома кирпичные. Стекольный и кирпичный завод работали в три смены, не успевая удовлетворить увеличивающийся спрос.

Год 1797-й в Первопрестольной ознаменовался коронацией Императора Павла. 5-го апреля, торжествами по этому поводу и... появившейся в обиходе керосиновой лампой. Которое из событий было важнее для Москвы, сказать было сложно.

«Помнишь – это было еще до того, как лампы керосиновые появились», – говорили обыватели, намекая, что было это в дикие совершенно времена, в потемках, с запечными тараканами и невежеством повсеместным.

На коронацию «хроники» попасть не стремились и на глаза Императору не лезли. А он, обремененный новыми обязанностями, завертелся и забыл о встречах в Гатчине, кото-

рые его ни к чему не обязывали и если оставили какой-то след в душе его возвышенной фантазиями неумными, то очевидно не глубокий.

Императора занимали вопросы политики и внутреннего устройства Империи, которую он получил из рук «почившей в бозе» «маман» в полном развале. В последние годы своего правления «матушка-императрица» предоставила чиновникам-дворянам полный «карт-бланш», практически узаконив взяточничество и казнокрадство.

Дворяне служить государству не желали, получив легитимное право на это указом Императрицы, и Павлу предстояло совершить своего рода государственный переворот. Заставить работать тех, кто служит. И служить тех, кто предпочел службу Отечеству – жизнь праздную.

Павел решил напомнить дворянству, что и право крепостное введено в государстве Российском по одной лишь нужде, чтобы «кормить» служивое дворянство, «за Отечество жизни свои не щадящее». Павел провел для этого жесткую ревизию, прежде всего в регулярной армии, выявив при этом отсутствие 50-ти тысяч солдатиков, жалование за которых исправно из казны начислялось.

«Мертвые эти души» кормили воров в эполетах и Чичиков, которого еще не успел придумать Николай Васильевич Гоголь, на фоне этих воров, со своими сотнями прикупленных по «ревизским сказкам» числящихся живыми крестьян, казался шалопаем безобиднейшим.

Из четырехсоттысячной русской Императорской, кадровой армии... отсутствовал каждый восьмой. И это десятилетиями. Офицеры, срочно прошедшие такую же ревизию, отсутствовали на службе без уважительной причине – треть от списочного состава.

Исправно получая жалование – эти «слуги Отечества», даже не удосуживались за ним являться лично в части, к которым были приписаны. Павел безжалостно вышвырнул всех, невзирая на чины и звания. Получив себе множество врагов в собственном государстве.

Дворяне взвыли, народ вздохнул с надеждой. Масонов, которых Екатерина последние несколько лет поприжала из побуждений ей самой до конца не ясных, /толи, как детскую болезнь рассматривая, толи, как старческий маразм/ Павел из опалы вернул, допустив их к кормилу власти.

И это была его самая большая ошибка. Его можно понять. Чтобы управлять Империей, нужны были те самые «кадры». А они насквозь пропитались духом вольтерьянства. Где взять других? Поэтому он гнал и возвращал, даже таких негодяев, как Зубов Платон, поручая им дела государственные и посты не самые последние, в иерархии чиновничьей.

Павел вскакивал в четыре часа утра и пытался везде успеть, подгоняя неустанно, всех кого мог. И был одинок. Он чувствовал это. Оглядывался и, видел учтивые лица придворных, которые смотрели на него преданными глазами, с тоской вспоминая времена «матушки-императрицы».

Когда жилось им куда как вольготнее и, воровать из казны можно было чуть ли не в открытую.— «Черт бы тебя подрал»,— думал каждый второй чиновник, не считая первого, когда вынужден был идти на службу к пяти часам утра.

«Закручивание гаек» — это не от вредного характера Павла. Это от бессилия. Он понимал, что кругом скрытые противники и саботажники — заставляя их жить так, как хочет он. По Регламенту.— «Пусть помучаются скоты»,— думал он. Его потом выставят сумасшедшим, психом вздорным и непоследовательным в своем законотворческом энтузиазме. Но это всего лишь попытка оправдать убийство «не хорошего человека».

Будто у заповеди Библейской «Не убий» появилась маленькая поправка в веке 18-ом. «За исключением», в которой некоторые люди, по своим качествам, из заповеди этой удалялись.

Клеветники не понимают, что не потому «Не убий», что будет «убитый», а потому «Не убий», что будет «убийца». Убийцы, во все времена, оправдываются. Оправдываются временем и современниками, оправдываются перед людьми-судьями и потомками. Ведь оправдываются же? Зачем? Из страха.

Совершенное убийство меняет человека. Оно воздвигает стену непреодолимую между ним «до убийства» и им же «после него». Судьбы этих людей не завидны, все они кончают свои дни на Земле мерзко. Ни какая власть, чины, сокро-

вища не могут завалить эту пропасть, которую человек роет собственными руками, всю свою никчемную жизнь, подавая пример следующим за ним толпам негодяев.

Император Павел царствовал всего четыре года, поставив точку в истории России с оглавлением 18-ый век. Страна шагнула в новый век, под предводительством людей обремененных властью, на подошвах которых запеклась царственная кровь. Повели! Куда?

Н.В.Гоголь воскликнет, сравнивая Русь с «птицей-тройкой» – "Куда несешься! Дай ответ? Не дает ответа!" – и теперь, когда век 19-тый и 20-тый пронеслись, опять этот же вопрос "Куда несешься?" Задают уже современники. Веку 21-му.

А куда на самом деле? Может быть, чтобы ответить на этот вопрос, нужно всего лишь оглянуться назад? Это Гоголю простительно задавать такие вопросы, в которых скрытый ответ. Он-то знал куда.

Потом в школах советских детишек будут заставлять учить наизусть эти его вопросы. Обнаружив в них поэзию неизъяснимую и скрытую критику назревающего в России капитализма, заклеят гением в «Мертвых душах».

Напишут сотни диссертаций на эту тему и не оставят без внимания ни одной буквы. Приколотив, здоровенными гвоздями идеологическими, бедного Гоголя к кресту Истории.

На которую нужно смотреть не урывками, а целиком. И не нужно для этого все знать и иметь доступ к вождельным,

закрытым архивам. Там ничего нет такого, что изменит Историю. Она уже есть. И мы живем в ней изо дня в день. А те причины, которые породили сегодняшние следствия, их не спрячешь за семью замками. «Пророков нет в Отечестве», – сказал Христос в Назарете. На две тысячи лет – этой фразой, предвосхитив все исторические труды, всех историков. Любому из них она «Эпиграф» и «Эпитафия».

Лето 1797-го и осень пролетели в уже ставших привычными заботах. Торговый Дом "Руковишников и К" расширял поле деятельности, охватывая все сферы жизни древней столицы.

– Если сохранять такой темп развития, то к 1812-му в Москве просто не останется деревянных строений и гореть будут только крыши зданий, – радовался Серега, листая ведомости бухгалтерских отчетов за первое полугодие. – Пора машинку пишущую вводить в обиход, Миш, я устал уже каракули рукописные разбирать. Нужно твою бригаду реконструкторов в Питере озадачить. Или проще смотаться в начало двадцатого и «Ундервудов» закупить десяток?

– Для внутренних нужд, нам конечно десятка хватит вполне, но в государственном обращении в ходу пока исключительно рукописные документы. Сидят тысячи коллежских регистраторов по всей Империи и скрипят перьями. Ты хочешь лишить их работы?

– Да плевать мне на них с колокольни. Просто надоело каракули разбирать. У некоторых ярыжек такая рука, что по

рукам бы надавал. Еще эти яти и ери. Или как их там? Короче, я за машинками, а завтра найму десяток девиц и лично буду обучать машинописи.

– Ты и на машинке умеешь печатать?

– А что тут сложного? Двумя пальцами, правда, но быстро,

– Серега загорелся новой идеей и через неделю уже десяток девиц различного возраста, щелкали по круглым кнопкам «Ундервудов», тренируясь и осваивая машинки. А через месяц весь поток документации текущей, в Торговом Доме уже выполнялся исключительно в машинописном варианте.

Исходящие бумаги сначала озадачивали чиновников в различных государственных учреждениях, но потом к ним привыкли и принимали, как должное, получив, где нужно, «на лапу». Россия, в этом смысле, страна очень гибкая во все времена. Аппетиты, правда, у чиновников растут из года в год. Поэтому их время от времени приходилось отстреливать или сажать для профилактики в тюрьмы, иначе страна просто бы работала на взятки.

С этой особенностью экономической, концессионеры давно смирились и статью расхода «представительскую» предусмотрели. Однако, иногда и у них лопалось терпение, столкнувшись с очередным случаем откровенного вымогательства. Препоны возникали там, где не ждешь, на ровном месте буквально.

Появились и собственные бюрократы, которые «волоки-

ничали» и занимались поборами со сторонних, да и со своих посетителей. Серега с удивлением узнал, что с какого-то купчины, который добивался с ним встречи, с предложением весьма интересным и перспективным, секретарь «слупил» сотню, не моргнув глазом.

Узнал случайно и вышвырнул мздоимца немедленно, без выходного пособия, в буквальном смысле слова.

Занимаясь финансами Торгового Дома, Серега вынужден был завести собственную канцелярию с писарями и столоначальником. Два десятка человек сидели ежедневно и перебирали «входящие» и «исходящие». Особенно нарастал поток «входящих», порождая ответный поток.

Серега скрипел зубами, но вынужден был принять «правила игры».

– На чернилах скоро разоримся, – ворчал он, просматривая кипу бумаг, принесенных ему на подпись столоначальником. – Ефим Апполинарьевич, мил друг. Скажи мне, положи руку на сердце, какое количество бумаг тут бесполезных? –

Столоначальник – солидный, с брюшком, сидящий напротив, поскреб озадаченно лысину и честно признался, что 99-ть процентов – бесполезная переписка с различными ведомствами.

– Вот и я про это же. С сего дня работаем иначе. Сажайте двух регистраторов на сортировку. Все бесполезные бумаги отсеивать. Отсеивать, регистрировать и в «макулатуру». Посади толковых. Задача их – не потерять действительно нуж-

ные бумаги в этой лавине. Сажай, самых опытных и толковых. Еще пару человек посади на написание ответов. «Отписчики» работают опять же с дежурными «входящими», которые нет возможности проигнорировать в «макулатуру».

Остальные работают по действительно важным документам. Банковские, юридические и прочие.

Почта из филиалов и т.д. По поводу мздоимства. Я погорячился, уволив этого шустряка – Мефодия. Он ведь и не понял за что. Да и все не поняли. Вернее поняли, что за то, «что попался». Поэтому парня вернуть, денежное довольствие выплатить. В дальнейшем, все поборы – «мзда» будет засчитываться как полученное жалование и при расчетах вычитаться. Это, во-первых. Во-вторых, я устанавливаю премию в размере годового оклада, по итогам года, всем не скомпрометировавшим своей репутации. Учитывая то, что оплата у вас и без того привязана к прибыли Торгового Дома, а она имеет устойчивую тенденцию к росту, годовая премия может оказаться весьма и весьма весомой потерей для сотрудника, моральными устоями не обремененного. Я не слишком витиевато изъясняюсь, Ефим Апполинарьевич?

– Нет, милостивый государь, Сергей Алексеевич, вполне вразумительно. У меня вопросец имеется.

– Слушаю Вас.

– Это ведь все одно «не пойман – не вор». Осторожнее-с сделаются. По мелочи брать не станут-с, а коли сунет кто существенное, то и примут с оглядкой. Чтобы делу ускоренный

ход дать. «Дают – бери-с». Так испокон веку повелось.

– У вас есть предложения конкретные?

– А что если пусть берут-с, но в кассу сдают-с?

– Предлагаете взятку узаконить, так сказать и учет производить? А потом, самых оборотистых, вознаграждать из этого взяточного фонда? Соревнование устроить? Кто нахрапистее и изворотливее клиента развел на ассигнацию? Нет, Ефим Апполинарьевич, сударь. Идея мне ваша не нравится, лукавства в ней преизрядное количество. Никакой мзды. Ни под каким видом. Всякому делу должно ускоренный ход давать, потому что от любого дела жалование у служащего возрастает. Вот что вдалбливайте неустанно в мозги подчиненных вам людей.

– Как же распознать умельца, взял-с или же нет-с? А если оговор-с? Опять же и такое может приключиться.

– А вот насчет этого не беспокойтесь. Разберусь. Я мздоимцев нутром чую и даже сумму могу назвать до полушки. Когда, у кого, за что и сколько. Такой вот талант у себя обнаружил совсем недавно. Сомневаетесь? По глазам вижу что да. Пожалуйста. Вот, например, вы, сударь, на прошлой неделе двинули дело купца Свиридова, который предложил нам свои услуги и поставляет меховые шкуры для мастерской скорняжной. На этом контракте мы получим прибыль в год порядка пятидесяти тысяч рублей, и вы из них свои конкретные проценты, в обязательном порядке. Что-то около пятисот рублей. На эти деньги, по нынешним вре-

менам, можно прикупить домик в деревне этажа на два с подворьем. Однако, ассигнацию пятирублевую вы приняли. Вам ее номер назвать или куда потратили рассказать? Соотносимо ли? Я ведь, Ефим Апполинарьевич, дорогой вы мой, могу даже сказать, сколько у вас в вашем кошельке денег сейчас при себе в наличии. Не верите? Будьте любезны перечесть, у вас там тридцать рублей ассигнациями, три рубля серебром и медью тридцать четыре копейки. Гривенник еще за подкладку завалился. Попеньяйте прислуге, прохудился карман-то,— Серега, улыбаясь, наблюдал, как весь пунцовый столоначальник пересчитывает свою наличность и даже, покраснев как рак, вытаскивает злосчастный гривенник из за прохудившейся подкладки.

— Что же делать, коль суют-с?— пробормотал смущенно Ефим Апполинарьевич.— У них ведь тоже, испокон уже привычка. Коль не возьмешь, так и уважать не станут.

— Где-то вы правы насчет этого, а посему при входе в канцелярию я распоряжусь поставить ящик церковный. Пусть Господь принимает не праведное. Прямо и указуйте, взяточникам на кубышку. Пусть ссыпают, самому Главному Начальствующему. Ежемесячно будем приглашать настоятеля из какого-нибудь храма и торжественно ему ключ вручать. Посмотрим, что из этого выйдет. Но я не о проблеме взяточников говорю, а о вымогательстве. Этого не потерплю. Кроме того волокитство, понуждает доброхотов к тому, чтобы раскошелиться. Узнаю ежели, то премия месячная на-

кроется медным тазом. Жалование неприкосновенно, а вот на премиальных не обессудьте, оторвусь в полной мере. Доведите до коллектива,— принятые меры возымели действие немедленное. Поток бесполезной бумаги схлынул и поставленный при входе в канцелярию металлический ящик, с прорезью для вложений, произвел на всех впечатление соответствующее. «На текущий ремонт православных московских храмов». Гласила надпись над ящиком и огромный плакат, выполненный художником на полотне, изображал храм Василия блаженного, радуя коллектив.

По истечении первого месяца, торжественно вскрыли ящик и обнаружили там почти тысячу рублей.

— Это что же все взятки потенциальные? — удивился кто-то из служащих.

— Нет, братец, ты посмотри сколько меди. Это люди мимо пройти не смогли безучастно,— Серега в течение месяца выявил всего два случая взяточничества и остался результатом доволен.

— Мефодий Иванович, все собрать, оприходовать и батюшке вручить в мешке нашем фирменном,— торговый дом освоил выпуск сумок из парусины с лейблом фирмы. Над дизайном которого работал все тот же художник.

Мефодий, изгнанный и возвращенный Сергеем, засуетился, пересчитывая мелочь и составив ведомость, передал сумку ожидающему настоятелю храма.

— Благослови вас Господи, братья,— поклонился батюш-

ка.— На моей памяти первый раз такое наблюдаю. Похвальный пример христианам подаете. В поминание всех запишем и приходом вас помянуть будем.

Сергеа список служащих батюшке вручил и тот радостный удалился.

— Ну что же, господа служащие, поздравляю. В этом месяце двое всего проштрафившихся. Я их называть не стану, но имен их в списке поминальном нет. И в храме этом за них, увы, молиться не станут. Кроме того, за этот месяц и премии они лишены будут. На Мефодия не коситесь, он чист ныне аки голубь. Знайте только одно, что когда жалование получать станете и недостачу увидите, то милости прошу любого «несправедливо обиженного» ко мне в кабинет. Расскажу за что. Где, у кого и сколько взял «на лапу». Вам Ефим Апполинарьевич о моих способностях доложил?

Сомнения вижу, у двух сотрудников возникло. Могу продемонстрировать наглядно, чтобы рассеять их. Ну, вот ты, Иван Трофимович, сегодня вышел из дома с тремя рублями и шестнадцатью копейками. Потратился в течение дня на рубль и семь копеек. Остаток нынче у тебя в кошельке — два рубля и девять копеек. Верно?

— Верно,— подтвердил потрясенный служащий.

— Я тебя обрадую, брат. Ты в прошлом году ассигнацию потерял двадцатирублевую. Так вот, она у тебя под шкафом в прихожей. Выронил и ногой задвинул,

— Серега подмигнул озорно обрадованному сотруднику.—

Вообще вы, господа, к своим деньгам относитесь очень безалаберно и невнимательно. Теряете почем зря. Суете их, куда ни попадя. Вот у тебя, Мефодий, три рубля в книгу вложены. В житиях, за месяц март. А ты и не помнишь. Потому как в подпитии сунул, а жития не читаешь. От батюшки достались благочинного. Вспомнил? Так что, братцы, к этому разговору вернемся теперь через месяц,— через месяц сумма пожертвований неожиданно возросла почти вдвое, а взявших «мзду» не оказалось вовсе.

Серегу, передавая список поименный сотрудников очередному настоятелю, вызванному по этому поводу, довольно улыбался и, показав большой палец, ушел к себе в кабинет.

1798 -ой встречали в доме у Серегу. Построил он его со скоростью просто необыкновенной.

Братья Силины, открывшие свой семейный кузнечный цех, души в зяте не чаяли, и иначе как по имени отчеству его не величали. Хотя он всякий раз при этом кривился и пытался прекратить его величание, но братья стояли на своем, и Сереге пришлось так же величать их всех по отчеству, приведя родню в умиление запредельное и подняв авторитет свой и вовсе на высоты заоблачные.

Особнячок Серегин, в два этажа, с огромными окнами, отличался уже только одним этим, от привычных взгляду обывателей строений и уже вслед за ним в Москве стали появляться такие же хоромины, в которых влияние Руковишникова ощущалось с первого взгляда.

– Ты, я смотрю, законодателем моды и стилей становишься в Первопрестольной, – сделал вывод Мишка, заявившись на новогодний вечер с семейством к другу.

– Тянется народ к новому. Вот с теми же окнами, сразу сообразили, что экономия от этого просто необыкновенная, при дешевом стекле-то. Кирпич, всяко, дороже пока. Да и всегда будет. Свет опять же. Жалюзи, правда, пока приходится от лихих людишек на ночь опускать, иначе влезут среди ночи, вставать придется и выбрасывать. Домашних переполошат. Аннушка вон в положении опять же. Ей волноваться, сам знаешь, не рекомендуется.

– Молодец. То-то, я смотрю, сияешь который день, как пятак. И молчит главное дело.

– Я не молчу, сам узнал вчера только, а «сиял» по другой причине.

– Ну-ка поделись.

– Баланс подбил годовой. У нас плюсовой результат.

– Ты хочешь сказать, что все вложения уже окупились?

– Производственные все. Недвижимость я во внимание не беру, потому что она сама по себе стоимость и в цене падать не будет. Разве только когда Бонапарт на Бородинском поле Кутузову накомыляет и все побегут из Москвы.

– Значит, нужно вкладывать в новые проекты. Строить школы, клубы, спортзалы. Банк нужно собственный открывать коммерческий и стимулировать низкими ссудными ставками людей перспективных. Выявлять и помогать им,

разворачиваться. У нас же всяких Кулибиных вечно гнобили, власть предрежащие. Кстати, где он сейчас? Леонидович, просвети невежд.

– Он уже в годах преклонных. После смерти матушки – императрицы его из Академии Петербургской уволили. Вернулся в свой Нижний Новгород – на родину. Но еще проживет лет пятнадцать. Самое интересное, что многие его изобретения будут разворованы и проданы в Европу, но даже там их смогут реализовать только в середине следующего века. На полвека опередил время Иван Петрович. Самородок, – выдал справку Академик.

– Так что он прозябать у себя в Нижнем Новгороде будет эти пятнадцать лет? Или накопил на царевой службе капиталы и на пенсии свободным творчеством занялся?

– Какое там – «накопил». Он когда умер, то его похоронить было не на что. По соседям пошли собирать на погребение. Имуущество продали и едва наскребли.

– Понятно. Едем уговаривать старика. Сколько ему лет сейчас?

– Шестьдесят примерно. Но дед он крепкий. До восьмидесяти трех доживет, так что еще двадцать лет у него впереди. Ну а если его подлечить, да любимой работой завалить, то и того более еще поживет и пользы стране принесет презрядно.

– Ну что, Серега, как моя идея, насчет смотаться в Нижний Новгород?

– Хоть завтра. Любопытно познакомиться с таким человеком. Он вроде бы даже крылья изобрел.

– Достаточно того, что он изобрел коробку скоростей. Множество его изобретений даже и в двадцатом веке не были реализованы. Человек опередил время не на пятьдесят, а на сто пятьдесят лет. Много сил и времени потратил, правда, на «Перпетум мобиле» — то бишь вечный двигатель. Потому и в бедности жизнь закончил. Тратил много средств на свои изобретения, которые затем не были востребованы и значит, средства на них затраченные личные не возвращались. А у него еще и семейство было многочисленное. Детей одиннадцать душ. Трижды женат был Иван Петрович. Последний раз в 70-т лет. Такой вот молодец. Еще и троих детишек ему последняя супруга родила. Человек очень неординарный. Активный. Старообрядец истинный. Так что ты, Серега, со своими сигаретами у него не ко двору будешь. Хотя Иван Петрович человеком был весьма терпеливым и снисходительным к слабостям и недостаткам других людей. Не лез с наравоучениями.

– После праздников и наведемся в Нижний, после рождественских. Зимой-то он ведь вряд ли переезжать станет сюда. Да и нужно ли? Тут до Нижнего от Москвы всего-то 400-а км. Адресок разужнай, Миха. Где он там в Нижнем проживает?

– Да его там все знают. Любой встречный местный покажет. Странно, что Павел I-й его недооценил.

– Павлу было не до изобретений. А может, не успел попросту. Кулибин тщательно разработанный проект моста через Неву и следующему Императору – Александру-I-му подавал на рассмотрение. Под сукно положили и забыли. А мост этот не построенный мог бы стать еще одним символом столицы. Достопримечательностью. Гениальнейшая конструкция так и не реализованная и можно сказать ждущая по сию пору своего строителя. А почему бы и нет? Сколько сил человеком потрачено впустую. Иностранцы в 19-том веке очевидно у родственников скупили множество его изобретений. В чертежах. И потом продали их правительству России за баснословные деньги. Тот же оптический телеграф знаменитый. За 120 тысяч золотых рублей казна приобрела у французов. «Секрет» этот из Франции оказался Кулибинским. Да еще и плохо выполненным. Гораздо хуже, чем разработчик начертил. Не поняли видать мысль до конца. А может, решили, что «сиволапым» и в таком виде сойдет.

– Заинтриговали, Федор Леонидович. Мне прямо сейчас захотелось в Нижний бежать.

– По что в Нижний собрались и прямо немедленно?– это обеспокоилась Аннушка, услышавшая последнюю фразу.

Женщины накрывали на стол, и она пробежала мимо.

– Слух у тебя, свет очей моих, исключительный,– обнял ее Серега.– К Кулибину Ивану Петровичу после праздников поедem с деловым предложением.

– Не слыхала. Кто таков сей господин?

– Инженер – механик. Великий человек. Даст Бог согласится у нас поработать, тогда и узнаешь, кто «сей господин». Довольна останешься. Очень старичок обходительный. Он нам машинку швейную доведет до ума. Завалим работой. Главным конструктором сделаем. Наверняка у него и команда имеется своя. Группу бы Кулибинскую заполучить, – Аннушка всплеснула руками.

– Старички у него на уме. А жена? И не пушу я тебя одного в Нижний. Вернешься от сего старичка совсем седой. С тобой поеду, чтобы от тоски-кручины не помер.

– Да я согласен. Поезжай. Нижний, правда, городишко захолустный и смотреть там кроме как на Кулибина не на что. Зима опять же.

– Еду, – упрямо сжала губки Аннушка, – Ты ведь без призора на одном табачище своем опять жить начнешь.

– Вот тут ты не права, свет очей моих. Я курю не так уж и много.

– Да ты сигарету изо рта не вынимаешь, – возмутилась Аннушка.

– Ну, должны же и у меня быть недостатки, золотце? Брошу ежели курить, тогда сама первой взвоешь.

– С чего это? – насторожилась Аннушка, почувствовав подвох.

– Так ведь крылья на спине белоснежные тут же прорастут. Ну и как тогда? На улицу ведь не выйти. Все пальцем будут тыкать. А нимб над головой зависнет если?

– Ох, Сергунь, святотатствуешь, батюшке Иоанну всенепременно на тебя пожалуюсь. Пусть епитимию на тебя наложит. Вот, вот потрясись чуток. Ишь, моду взял посмеиваться над нашей простотой,— Аннушка возмущенно фыркнула и умчалась сервировать стол.

– Вот ведь язычок у вашей сестрицы, Матвей Савельевич. Крест ведь несу. Мало я с вас приданого-то взял. За такие-то страдания, что претерпеваю,— засокрушался Серега, повиснув на плече у старшего Силина.

– Ничего, Сергей Алексеевич, потерпи друг ситный. Стерпится-слюбится. Мы тебя в обиду не дадим. Прибегай, поплакаться хоть за полночь. Спим мы уже по эту пору, так ты, не чинясь, буди, коль сможешь. Всем семейством за тебя встанем. Даже детишек на нее подыдем,— ухмылялся Матвей, хлопывая зятя по спине. А тот трясся в приступе смеха, повиснув на его шее.

– Это что еще такое?— опять тормознула, пробегающая на кухню Аннушка.— Ты почто, Матвеюшка, супруга моего обижаешь? Что это он трясется весь? Думаешь, за него заступиться не кому? Аль уже крылья у него, из спины растущие, прощупать решил, да общипать? Ну-ка, отпусти немедленно.

– Да что ты, сестрица Анна Савельевна. Это мы по-родственному обнялись. Сергей-то Алексеич сокрушается, что зима ноне лютая. Вот я его и утешаю по возможности. Дескать, она у нас весной закончится, дескать, два месяца потерпеть-то всего, а потом мы его на ярмарку сводим. Леден-

цов с петухами купим. Сладкие-е-е.

— Прав ведь он, Сергунь,— погладила мужа по трясущемуся плечу Аннушка.— Не убивайся ты так. Дай-ка я вот тебе нос-то промокну,— полезла она платочком кружевным, невесть откуда выхваченным, в лицо Сереге. Этого уже никто вытерпеть не мог. Особенно громко хохотал Матвей и при этом так сжал зятя, что тот зубами заскрипел и застонал, валясь уже Аннушке на хрупкое плечо.

— Спасай, суженая. Удавит братец-то на радостях. Останешься вдовой,— Аннушка усадила его на стул и повисла на нем сзади, обняв за шею.

— Живи, даже курить можешь. Что уж тут поделаешь? А вы у меня, цыц,— погрозила она братьям пальчиком. И умчалась.

— Вот, а ты переживал, что семья Силиных серьезная больно,

— Силиверстович похлопал Серегу по плечу.— Да они еще похлеще тебя «приколисты». Божий промысел тут, надо полагать. Самое что ни на есть для тебя родство подходящее. Матвей, что там с нашим заказом?— тут же сменил он тему, уводя старшего Силина в уголок на диванчик. Тот сразу посерьезнев, принялся убеждать его в чем-то.

— Этим только бы о работе поговорить,— махнул рукой Серега. Скучные люди. Пошли к столу.

Глава 2

Нижний Новгород зимний, заваленный снегом, впечатле-

ние производил двоякое. Раскинувшийся вольготно на берегах Волги и Оки он дымил печными трубами и был, по сути, большой деревней, в которой по недоразумению в центре выстроили несколько двух и трехэтажных каменных зданий.

Однако жизнь в этой «деревне» кипела. По замерзшим рекам тянулись длинные купеческие обозы. И в центре города бурлил рынок, на котором можно было купить все.

Дом Кулибина, который находился на краю города, поразили всех своей необычностью и оригинальностью. Чувствовалось, что сам хозяин его и спроектировал. Двухэтажный, каменный, он имел две башенки на крыше. Очевидно, возведенные для научных изысканий.

Высоченное крыльцо вело сразу на второй этаж, оставив первый для нужд, надо полагать, хозяйственных.

— И вот как нам к нему заявиться без рекомендаций?— засомневался Серега, неуверенно взглянув на спутников.

Кроме Аннушки и Мишки с ними отправился еще и Силверстович. Решивший принять участие в переговорах с изобретателем.

— А попросту,— предложила Аннушка, хлопнув ладошками в варежках.— Заявимся незвано, да и познакомимся. Не выгонит чай. Вон старичок какой-то снег там разгребает. Порасспросим, да и нагреем,— Аннушка смело подошла к старичку, орудующему деревянной лопатой и, поприветствовав его, спросила:

— Дедушка, вы не из этого ли домика, сердешный?— дед

перестал грести снег и, разогнувшись, улыбнулся приветливо:

– Знамо дело. Тут и проживаем.

– Родственник хозяина, значит,— обрадовалась Аннушка.— Мы из Москвы к нему приехали. Примет ли?

– А что за нужда у вас к нему?— заинтересовался дед, сдирая сосульки с окладистой русой бороды. Тут уж и все остальные подошли, приветствуя старика.

– Мы представители торгового Дома "Руковишников и К". Не слышали? Жаль. Хотим предложить Ивану Петровичу работу по его талантам. Вы ему кто будете?

– Я ему он самый и буду,— улыбнулся дед, оказавшийся Кулибиным.

– Ой, а я вас и не признала,— покраснела Аннушка.

– Да откуда тебе меня признать-то, красавица? Чай мы не знакомы с вами,— развел сокрушенно Иван Петрович руками.

– Я ваш портрет видела,— призналась сконфуженно Аннушка.

– Портрет мой?— пожал удивленно плечами Кулибин.— Да откуда в Москве мой портрет взялся?

– У архитектора Казакова Матвея Федоровича,— пояснил Серега. И поспешно принялся представлять изобретателю своих спутников.

– Весьма рад, весьма рад,— раскланивался тот, оставив лопату и приглашая нежданных гостей в дом.— Не обессудь-

те, гостей не ждал. И за убогость обстановки прошу меня простить. Переехал недавно. А вот с портретом у меня неясность некоторая. Есть у меня несколько, но Матвею Федоровичу своего не задаривал.

– Портрет не дареный, Иван Петрович, а приобретен им случайно у какого-то художника. Списал он вас где-то, да и при распродаже на глаза попался Казакову. Знаком он с вами. Узнал, конечно же, и приобрел по случаю. Карандашный портретец-то. Вот мы копию с него и попросили нам снять. Взгляните, пожалуйста. Каков?– Кулибин взглянул на лист бумаги в руке Сереги и смущенно крикнул:

– Узнаю руку Семенкину. Вот ведь озорник. При Академии нашей подвизался в Санкт– Петербурге. Хороший художник из него мог бы получиться, не будь он приверженцем «змия зеленого». Ведь до последних порток пропивался акаянный. Наш Нижегородский. Жаль балбеса. Пропадет, талант зарует. Эх, люди. Слабы пред соблазнами чувственными. Аз многогрешный сие ведаю.

Из домашних дома оказалась только супруга Ивана Петровича Авдотья Васильевна и сынишка Дмитрий.

– Пусто ноне,– вздохнул Иван Петрович.– Старшие все при должностях в Санкт-Петербурге подвизаются. Средние в учебе. Вот Димша пока один и радуется. Авдотья, самовар давай. Гостей потчевать с мороза. Все что в печи на стол мечи. Не ударим лицом в грязь перед московскими гостями?

– Да что ж ты, батюшка, Иван Петрович, меня как хозяйку

в краску вогнал,— взглянула на него укоризненно супруга.

— Пироги нынче пекла Авдотьюшка-то, славные они у нее получаются. Я ведь из-за них почитай только на ней и женился. Чревоугодник, каюсь грешен. Вовремя вы поспели, господа,— продолжил весело тот.

— Вот и моя так же воспользовалась слабостью,— обрадовался Серега.— Ох, хитрый народ эти женщины. Знают чем нашего брата зацепить.

— Вот значит как?— надула губки Аннушка.

— Пойдем, голубушка, не слушай ты их речи акайные. Я уж привыкла к подковыркам своего, за столько-то лет, и мимо ушей пропускаю,— обняла ее за плечи Авдотья Васильевна, женщина дородная.— Помоги-ка с самоваром. Пусть их покуражатся.— после чая с пирогами, прошли в «кабинет» хозяина. Назвать это помещение кабинетом язык, пожалуй, ни у кого бы из присутствующих не повернулся. Но хозяин назвал эту мастерскую, заваленную в творческом беспорядке всякой— всячиной именно так и никто оспаривать это не стал.

— Прошу, господа, присаживайтесь, кто, где хочет,— Иван Петрович расположился в рабочем кресле, которое у него перемещалось влево вправо по специальным штангам.

Кроме того, еще и поворачиваясь в стороны, позволяя сидящему, не вставая, дотянуться, до любого уголка этого стола-верстака. С прикрученными к нему разными приспособлениями. Из-под столешницы, выдвигалась откидная доска,

выполнявшая роль кульмана и сейчас к ней был приколот лист бумаги, на котором Иван Петрович что-то вычерчивал, очевидно, вчера.

Сейчас в «кабинете» было достаточно светло, а вот для сумерек гости заметили, несколько осветительных приборов со свечными огарками, окруженными сложными сферическими зеркалами.

Висели эти «подсвечники» на выдвижных штативах, поворачивающихся и опускающихся.

– Хитро, – похвалил Силиверстович конструкцию, приглядевшись. – Вот такую систему и нам бы надобно применить для ламп керосиновых. Не уступите идею, Иван Петрович?

– Да Христа ради. Берите и пользуйтесь, – Кулибин, наконец лишенный коммерческой жилки, умершей, очевидно, в его роду вместе с отцом купцом и ему не передавшейся, снял с полки журнал и, полистав его, открыл на нужной странице. – Прошу. Копируйте.

– Спасибо! – Силиверстович с любопытством всмотрелся в чертеж зеркальной сферы, пытаясь понять главную идею – крепление и сочетание зеркал.

– Просто, как все гениальное, – произнес он, перерисовывая в свою тетрадь чертеж.

– Позвольте? – заинтересовался Иван Петрович общей тетрадью Силиверстовича, листы которой соединялись проволочной спиралью, пропущенной через перфорированные

края.

— Нечто приходило и мне в голову,— удовлетворенно кивнул Кулибин. — Как вы сказали? Просто, как все гениальное? Истинно так. Вот сия тетрадь этому иллюстрация. Я готов выслушать ваши предложения, господа.

— Иван Петрович, мы знаем, что вы ушли в отставку с государственной службы и сейчас временно являетесь свободным художником,— начал Мишка.

— А короче если? К сути, молодой человек,— подмигнул Кулибин.— Без политесов.

— Предлагаем работу. Мастерские, неограниченное финансирование любых проектов, кроме «Перпетум мобиле». Должность Главного конструктора и годовое жалование в сумме 100-а тысяч рублей. Кормовые, проездные, дровяные ну и жилье за счет Торгового Дома вот примерно такое же по площади. У нас мастерские различного профиля, но в основном швейные машины и керосиновые лампы. Спички еще освоили.

— «Перпетум мобиле»— Сиречь вечный движитель? Чем же сей проект вас не устраивает?— спросил Кулибин.

— Видите ли, нам не нужно ничего вечного. Мы прагматики, нам бы что-то попроще. А вечность оставим Вечности. Господу, если угодно. Так вы согласны? Или вам нужно время подумать? С домочадцами посоветоваться?

— Разумеется, как же не подумав? И домочадцев известить всенепременно нужно,— Кулибин Иван Петрович подошел к

дверям «кабинета» и, распахнув их, крикнул в тишину дома:

– Авдотьюшка, собирайся, уезжаем в белокаменную,— затем повернулся к гостям, стоящим с открытыми ртами и поставил условия:

– Не раньше февраля, господа, у меня несколько срочных заказов. Вот выполню и сразу в Москву. Сначала сам явлюсь, потом и семейство перевезу.

– Да вы не беспокойтесь, Иван Петрович, мы все приготовим и, переезд фирма оплатит. Вот извольте получить на дорожные расходы аванс. Подъемные, так сказать,— Серега выложил на стол банковскую упаковку пятисотрублевых ассигнаций.

– Принять сии ассигнации не могу,— заложил руки за спину Иван Петрович.

– Отчего же?— удивился такой щепетильности Серега.

– Приеду, взгляну на ваши мастерские тогда уж и решу окончательно. А пока будем считать, что достигнута предварительная договоренность о намерениях благих. У вас нет ли с собой чертежей этих машинок и ламп?

– Есть,— улыбнулся Силиверстович, раскрывая папку с чертежами.— Вот извольте. Машинка. А это лампа,— Кулибин принялся рассматривать привычно чертежи, удовлетворенно хмыкая и иногда поднимая левую бровь.

– Ну, что ж. Вещь, конечно же, нужная и выполнена остроумно. Вот эта лапка меня привела просто в восхищение. Это кто же умелец такой?

– Зингер – еврей придумал. В Северо – американских соединенных штатах.

– Светлые мозги у этого еврея. Но я бы вот здесь и здесь иначе бы решил задачку.

– Иван Петрович, машинка далека от совершенства. Она узкоспециализирована, а способна быть, в перспективе – многофункциональной. Сейчас она только прострачивает шов. Задача следующая – расширить ее функции. Обметывание, пришивание пуговиц и так далее. Кроме того нужно будет разработать более мощный вариант для скорняжного ремесла и сапожного. Там кожи, сами понимаете – это не кружева и батист. Работ только с модификацией машинки непчатый край. То же самое с керосинкой. Мы вам оставим чертежи и образцы, – Мишка кивнул на футляр из кожи. – Посмотрите, так сказать, в живую. Супруге предложите по-пробовать, поработать. Проста в обращении-то. Ну и лампа тоже пусть у вас повисит. С керосином у вас как в Нижнем? Достать возможно? Мы вам бутыль на три литра вложили. А вот спички нашего производства. Этим вас уже не удивишь. Их уже и в Санкт– Петербурге выпускают. Причем еще раньше чем в Москве наладили производство. Демонстрирую не для того чтобы удивить, а чтобы заинтересовать вас. При изготовлении их применяются деревообрабатывающие станки и они, разумеется, несовершенны. Луцильные, сортировочные, упаковочные. Это тоже станет вашей головной болью. Прошу,

– Мишка высыпал на стол пару десятков коробков.

– Однако напор у вас, Михаил Петрович, – улыбнулся Кулибин. – Сумели заинтересовать, прямо сознаюсь. Каковы количества предполагаемые вот машинок сих?

– Сейчас мы собираем десяток в смену. Цех только открыт совсем недавно. В следующем году думаем удесятить количество, а там на спрос ориентироваться будем, Иван Петрович.

– Три тысячи в год уже можете вот эдаких собирать? – удивился изобретатель. – И раскупается?

– Москва – деревня большая, – улыбнулся Мишка. – А у нас еще филиал имеется в Швеции. А шведы народ любознательный и до всякой механики падкий. Пять контрактов уже подписано с их торговыми фирмами. Ждут с нетерпением, образец получив. Всего десять тысяч пока просят и к концу года мы им их изготовим, но на Европу нынче оглядываться нужно с осторожностью. Страсти там сатанинские кипят, торговле не способствующие. Увы. Свой отечественный рынок будем расширять. В Азию повезем. Китай большой. На сто лет заказами завалит. Беспокойства по поводу рынка сбыта не испытываем. А вот по поводу ваших изобретений, которые будут внедряться, можем гарантировать, что все они будут приобретаться немедленно и Торговый дом обязуется выплачивать вам, кроме всего, как автору, скажем, пять процентов от прибыли получаемой от реализации. С правом завещать эти выплаты на ваше усмотрение кому угодно на все

время пока на продукции будет стоять ваше клеймо авторское.

– Молочные реки и кисельные берега, Михаил Петрович, сулите. Трудно устоять человеку грешному, но я, Слава Богу, не сребролюбив и повторяю. Не раньше февраля приеду для ознакомления и слова окончательного, – улыбнулся Кулибин и плотно сжал губы, давая понять, что это его окончательное решение.

– Так мы и не подгоняем, – заулыбался Мишка в ответ. – Чем заняты, Иван Петрович? Что-то чрезвычайно важное? Заказы я имею в виду.

– Да какое там... Сижу вот, времени много свободного, ну и чиню потихоньку часы для сограждан господ нижегородцев. Нанесли рухляди, так что и за месяц бы управиться, – махнул тот рукой в сторону угла, где на стеллаже было разложено с десятков различных часовых механизмов.

– Понятно тогда почему только в феврале сможете. Не возвращать же не починив? – кивнул Мишка понимающе. – Ну и сразу хотим расплатиться за чертежик отражателя для лампы. Поверхностный экономический расчет показывает, что на этом мы получим увеличение продаж процентов на десять. Чистой прибыли в год это составит тысяч сорок. Так что ваши четыре тысячи просим принять под расписку,

– Мишка вынул ведомость и, вписав в нее фамилию Кулибина, сунул ему авторучку, которую тот машинально взял и, не задумываясь поставил подпись напротив суммы и фа-

мии. Протестовать Иван Петрович не стал по трем причинам. Выплачивались средства за конкретное все же приобретение, выплаты обосновывались и производились официально, ну и ручка, которую он держал в руке, произвела на него ошеломляющее впечатление. Он даже царапнул ей по листу ватмана и оставшийся след его удивил. Иван Петрович мазнул по нему пальцем и, испачкав его чернилами, удовлетворенно крикнул. Повертев перед собой ручку, раскрутил колпачки, разобрался в поршневом механизме и принялся разглядывать металлическое перо.

– Это тоже Торговый дом выпускает?– спросил он наконец.

– Нет, но намерены освоить,– Мишка положил на стол две перьевые ручки.– Вот образец с вечным пером. Это упрощенный вариант. Разумеется, что та, что у вас в руках – это переносная. Для записей в дороге и даже в движении. Удобно. Не правда ли?

– Мишка протянул Кулибину колпачок с зажимом. – Прошу – это презент от Торгового Дома "Руковишников и К". Примите.

– Премного благодарен,– обрадовался Кулибин.– Не знаю чем и отдариться?

– Да что вы, Иван Петрович, какие «отдарки»? Пирогі славные какие печет ваша супруга. Мы заявили, и запасы ваши сократили. Неудобства причинили. Примите как извинение.

— Гость в дом — Бог в дом,— возразил Кулибин.— Оставляйтесь, погостите недельку. Дом большой. Гостевые пустуют. А мы гостям завсегда рады. Вон Димша от Аннушки вашей не отходит, как репей к юбке прилип. С отопительной системой моей ознакомлю. Сам ее сочинил. Печурка одна протапливает все и дров при этом минимум расходуется. Тут вам я доложу, что главное... Прошу прощения увлекся,— спохватился Иван Петрович.

— Ну, что вы — очень интересно. Печное отопление, конечно же, со временем будет повсеместно заменено на паровое и водяное. У вас дымовое, надо полагать со сложной системой дымоотводов?

— Верно. Значит — остаетесь?— подмигнул Кулибин.

— Авдотья Васильевна если не против.

— Да как же она может быть против?— Кулибин опять весело подмигнул.— Сидим тут как тараканы за печкой. Да она рада радешенька будет. Из Москвы. Там ведь, в нонешнем году, царя — батюшку на престол помазали. Вот уж душеньку отведет расспросами.

В Нижнем Новгороде задержались на три дня, сдружившись с семейством изобретателя навсегда. Человек с бесхитростной душой, он радовался новым знакомым, оказавшимся близкими ему по духу людьми, как ребенок. Даже принадлежность их к новообрядческой церкви не смутило, а только раззадорило.

Иван Петрович прекрасно понимал, в отличие от многих

современников, что раскола внутрицерковного по сути нет. Есть причины, которые сподвигли власть имущих спровоцировать искусственно это явление, чтобы разодрать верующую паству на две противоборствующие половины и отвлечь людей от секуляризации собственности церковной, в пользу казны. Царь Петр воевал и строил флот. На это ему нужны были средства. Результат – секуляризация и раскол.

– Пожалуй, более чем Петр-I-й, только матушка-императрица над церковью православной надругалась,– вздохнул он, когда разговор зашел о расколе и раскольниках.

– Раскольники-то истинные – это Петр, да Екатерина Великие. Церковь задумавшие в коллегия превратить и использовать, как инструмент в управлении государством. Не самый главный, но самый покорный. Отсюда и переписка текстов Библейских и обрядность измененная. Трехперстие вместо двуперстия. Эдакими мелочами умно паству разделили. Одним лишь тем, что повелели без пояснений, как скоту безропотному. Нынче двумя перстами крестились, завтра велено тремя, а послезавтра прикажем, так и кулаком закреститесь, али ногой левой. Народ, понятно, воспротивился. А им это только и нужно. И вот уж поделили народ на правых и виноватых.

– Верно мыслишь, Петрович,– согласился Силиверстович, который «закорешился» с Кулибиным крепче остальных и находил в нем приятного собеседника, копаясь в часовых механизмах с изобретателем дни напролет.– Павел, го-

воят, тягло слегка уже отпустил. Монастырям имущество возвращают уже.

– Дай то Бог, – перекрестился Иван Петрович двумя перстами.

– А как же вы причащаетесь, Иван Петрович, ведь у вас и батюшек-то нет? Расстриги только службу знающие.

– На Волю Господа отнесли. Дерзаем, обряд совершая, что по вере нашей даст нам. Отринули нас от Церкви видимой, но есть ведь еще и не видимая. От нее ни кто окромя самого Господа не отлучит. В чем разногласие у нас с Ним? Нет. Али символ Веры не признаем с животворящей Троицей? Коли прознали бы наши иерархи что в дикой Африке, али Австралии есть племя, которое черней лицами сапога, но в Христа по нашему обычаю верует, только крестится, скажем большим пальцем левой руки. Разве они эту мелочь обрядовую заметят? Возрадуются и братьями во Христе назовут. Отчего же нас гонят? «За единый Аз». Им он докука, нам муки Христовы. Ни одного гвоздка из распятия вытащить не позволить. Вот она правда, за которую старообрядство. Мы каб, не встали, то где бы остановились в секуляризации той? То, что видим, не вопреки нам, а благодаря.

Смирись мы, и Антихриста посадят на алтарь. Задумались и отступились. А Тело Христово расчленишь нельзя. Раскол в умах чиновников, а в сердцах верующих согласие. Ты вот в Никонианстве – я в староотеческой. О чем нам спорить? В чем несогласие? Разве у нас Господь разный на исповеда-

нии?

– Христос один – пастыри разные, – вздохнул Силиверстович, завинчивая крепежную планку на ходиках с кукушкой.

– Кровавыми слезами пастве сие отольется. Падение нравов повсеместное наблюдаю. Винопитие, табакокурение за обыкновенность уже воспринимается, – Силиверстович, не курящий из уважения к хозяевам уже третий день, закашлялся.

– Вот, вот. Какова привычка-то акаянная. Уже воздуху не хватает. Раздирает легкие чистый воздух, а табачный дух сладок делается. Ты, Силиверстович, дыми, коль приучился. Я ведь с первого дня понял, что мучаешься. Сергей-то Алексеевич, тот по молодости-то деликатностью такой не стеснен и прятаться не стал, а ты, видать, хотел справиться с собой. А это, брат ты мой, гордыня в чистом виде. Не борзись, преодолеть, положиись на Бога.

– Ну, ты, Иван Петрович, прямо и уличил, и обличил, и ущучил. Я ведь молодым к этому зелью пристрастился. Жизнь не сахар. Осиротел рано. Война, опять же. А у солдата, что за радость на службе? Табачком побаловаться. А вот три дня не курю и дышится легче с каждым днем. Может, и преодолею привычку эту. Бог даст.

– Я тебя в молитвослов впишу и просить Господа буду, чтобы пособил, – Кулибин подмигнул Силиверстовичу озорно глазом. – У нас с Ним взаимопонимание в этом вопросе.

– А у меня, значит, нет? – восторженно вскрикнул Силиверстович.

– Недопонимание с твоей стороны, братец.

Глава 3

Кулибин Иван Петрович приехал, как и обещал, в начале февраля и Силиверстович, бросив все свои дела, таскал его по всем предприятиям принадлежащим Торговому Дому.

Кулибин ахал и лез во все щели. В спичечном цеху он проторчал весь день, доведя до нервного срыва начальствующих в нем. Сначала расспросами, потом замечаниями и непосредственным вмешательством в процесс изготовления продукции. Разобрал луцильный станок, собрал его по-своему и тот завертелся без, привычного уже всем, скрежета.

– Ну, Петрович, ты прямо насквозь видишь. Я сто раз мимо прошел и думал, что так и надо. А начальники теперь как будут узнавать, что процесс идет? Зад толстый отрывать придется от стула и из конторки высовываться,— посочувствовал Силиверстович начальнику цеха с мастерами. – А соседи окрестные? Подумают, что производство остановилось спичек. Слух по Москве распустят, а значит, в ближайший месяц спрос повышенный следует ожидать. Пятнадцать минут поработал, а прибыли Торговому дому тысяч десять принес. Цену ты себе не знаешь. Я бы на месте потомков не вшивую плиточку поставил в Нижнем Новгороде, я бы стелу, метров сто высотой, возвел из чистого золота, ей Богу!

– Да за что? – взглянул на него удивленно Кулибин.— Человек ведь от Бога все получает и грех большой от людей Божье прятать, али цену заламывать. За руки, оно понятно.

А за мысли – это, брат, совести нужно не иметь.

– Интеллектуальная собственность. Слышал про такое?

– Талант Богом данный – собственность? Он дал – Он и отнять может, – возразил Иван Петрович. – Посмотрел я на ваше производство и где в нем мое место? – сменил он тему разговора.

– В нем, ни где. Ты, Петрович, над ним будешь. Собственное конструкторское бюро тебе правление предлагает возглавить. Темы сам выбирай. Занимайся, чем хочешь. Набирай себе помощников, кого считаешь нужным, с оплатой по совести. Тобой приглашенного, с радостью примем. Ну и увольнять, сам будешь. Полная самостоятельность. Дадим тебе в помощь счетовода, чтобы на бумаги время не тратил. Работай. Рабочее время ненормированное. Про оплату уже сказано было. Контракт заготовлен – остается подписать. Нака вот, ознакомься и если что не так, поправь или дополни, –

Силиверстович сунул в руки Кулибина бумаги и, обняв его за плечи, повел к выходу из цеха.

– Домик мы для вашего семейства уже прикупили, кирпичный. Ново-отстроенный. С вашим в Нижнем, по оригинальности не сравнить, но все есть и даже мебель кое-какая. Не на пустое место переедете. Аннушка лично проследила, чтобы кухня была к приезду хозяйки оснащена по последнему слову нынешнему. Авдотья Васильевна ей понравилась. Все пироги ее вспоминает. Она и сама мастерица в кулинарии, такую уху монастырскую приготавливает. Сегодня по-

потчует. Я ее специально попросил уважить. Когда в Нижний?

— Завтра же и отъеду,— улыбнулся в бороду Кулибин.— Авдотьюшка-то не любит переезды, но про жалование услыхала, и теперь торопит,— «Упустишь»,— говорит —, «Место-то»,— переживает. А я так мыслю. Жалование-то жалованием, но убедиться нужно, полезное ли для державы российской затеваете. Мне ведь и немцы не единожды лестные предложения делали. И с переездом, и без. Горы золотые сулили, да я всем отказал. Пошто они мне, коль с них за позором России наблюдать предстоит? Европа нашими трудами, как клоп кровью пользуется. И людей уводит лучших и своих мерзавцев сбегивает на шею нашу. Кругом немец засел. В академиях, в коллегиях, в Сенате и в Синоде. Русскому человеку проходу не дают. Мне, Силиверстович, за державу обидно. Гляди, что деется? Дворянство на родном языке разговаривать разучилось. Народ собственный дикарями мнят и такоже с ним обращаются. Довели народ так, что за дубину взялся. Емелька-то откель? Из указа выскочил, кабального вовсе? Закрепостили русского пахаря так, что хуже скотины стал себя чувствовать. А я вашу школу увидел и сердце возрадовалось. И согласен работать в вашем кумпанстве, хоть за стол, да ночлег,— Кулибин подписал контракт, вынув презентованную ему авторучку, из специально для нее пришитого кармана на кафтане и, щелкнув зажимом, улыбнулся:

— Занятная вещица — удобна, вот так вот на ходу, что-то

написать. Значит, помощников себе сам набираю? Есть у меня в Санкт-Петербурге умельцы с руками золотыми.

Шерстневский, Беляевы братья, Егоров, Кесарев. Человек десять немедля вызову. Примете аль как?

– Пусть приезжают. Обустроим. Не обидим. О жаловании поговорим в любое время. Они, к примеру, в Академических мастерских сколько имели?

– А ни сколько. На заказах подъедались. Сколь дадут с барского плеча, то и ладно. Матушка-то – Императрица меня грешного на службу приняв, немца с того места удалила и казне 2-е тысячи на жаловании сэкономила, а уж мастеровых я сам искал, да на свой риск и страх содержал. Рупь за десять выплатят, оно и хорошо.

– Вот ведь казус, – возмутился Силиверстович, открывая дверцу в зимнюю кибитку на полозьях.

– Проедем, на дом взглянем, да в кассу заедем. Вы то, за харч готовы работать, а переезд денег стоит. Аванс получите и поезжайте. В переезде можем посодействовать.

– Это как же? – заинтересовался живо Кулибин.

– Соберите вещи, упакуйте в короба да узлы, а уж погрузка, доставка и разгрузка дело наших транспортников. Назначьте день – они подъедут и от заботы вас этой избавят.

Бьюсь об заклад, вперед вас поспеют с барахлишком сюда.

– Через две седмицы будем готовы. Пусть подъезжают. Об заклад биться не стану, но право буду весьма признателен. Авдотья Васильевна переживала, – «Два переезда – один по-

жар».

– Фирма гарантирует – все доставим в полной сохранности,-

Через две недели Серега с Мишкой стояли перед уже знакомым домом в Нижнем Новгороде и провожали семейство Кулибиных в Москву. Для этой цели наняли три крытых возка с печурками, трубы которых пускали клубы дыма и хозяйева, поклонившись на прощанье дому, уселись в них, перекрестившись.

– Мы, Иван Петрович, будем раньше вас. Дом закроем и, ключи вам привезем. Скатертью дорога. Трогай!– махнул Мишка рукой кучерам.

Имущество, предназначенное к перевозке, было аккуратно упаковано в короба и сундуки, отдельно были увязаны и сложены узлы с мягкой рухлядью.

– Вот ведь,– хлопнул себя по лбу Серега.– Забыл спросить, в кабинете все перетаскивать или то, что приколочено, пусть остается?

– Ну, ты тормоз, Серый. Все что нужно перевезти сложено вот в эту кучу. Иван Петрович все сам оторвал, что было прикручено и решено с собой взять. Лапоть.

– Ладно, сапог, давай действуй. Я сегодня с утра не позавтракал. Проспал. Обедать пора.

– Интересное кино. Чем же ты ночью занимался, болезный? Бессонница напала?

– Я женатый или где? Аннушка под боком сопит и не

уснуть, хоть ты тресни. А еще всю ночь кто-то под окнами топтался.

– В смысле?

– Понимаешь. Встал я покурить. Не спиться что-то. Думаю, курну слегка. Ну, вышел, в курилку. Вентиляцию включил – в смысле форточку распахнул, стою, значит, здоровье укрепляю и вижу, топчется кто-то. Тень прыгает. Высунулся, точно какой-то ханурик скачет у забора. Мороз же 20-ть градусов. Он, правда, в тулупчике волчьем, драненьком и катанках, но все равно видать не сахар. Потом смотрю еще один хмырь подошел и что-то первому стал вдалбливать. Буквально ладонью в лоб. Долбит и на мой дом второй рукой машет. Минут пять долбил. Этот, первый который ханурик, прыгать перестал и с покорностью перетерпел.

На «спецуру» похоже. Пасут никак нас. Ты за собой не замечал «хвостов»?

– Я что, с оглядкой хожу? Хотя замелькал тут вокруг меня один господин не понятный. Попался несколько раз на глаза и все как-то вел себя не правильно.

– Ну, если попался тебе лопуху на глаза, то и сам видать лопух еще тот,– Серега присел на табуретку почему– то не упакованную хозяевами.

– Сам видать выстругал Петрович, сидеть одно удовольствие, вон чего с ножками вытворил. Вроде все в разные стороны смотрят и закреплены вроде не прочно, а сидеть мягко поэтому,– похвалил табуретку Серега и рухнул на пол вме-

сте с ней, сложившейся на сторону.

– Блин, руки отломать такому умельцу. Сапожник без сапог. Ноги закрепить, как следует не может. Зараза!– зашипел Серега, потирая ушибленный локоть.

– Это Господь тебя смиряет, Серый. Чтобы не создавал кумиров и не злословил ближнего,– злорадно ухмыльнулся Мишка, усаживаясь на короб.

– Тебя что ли злословлю? Это когда же, что-то не припомню?

– А «лопух»?

– Лопух – это не злословие – это констатация факта. У тебя на пятках филер топчется, а ты...

– А я чист, «аки голубь» и готов этому «филеру» рассказать почти все, за исключением мелочей, самых пустяшных. Я имею в виду нашу коммерческую деятельность в веке 18-ом. Пусть топчутся.

– А тебе не интересно кто?

– Теперь интересно. Обязательно по возвращении познакомлюсь поближе. Если нами занялась какая-нибудь «спецура», то наверняка не только топчется по пяткам и у забора твоего, но и людишек внедрила к нам в фирму. Нужно заняться проверкой сотрудников. Завербовать тоже могли кого-нибудь. Народу нового набрали мы только в последнем квартале прошлого года человек пятьдесят. Придется объезжать все производственные точки. Но мне кажется это кто-нибудь из среднего звена управленческого. Там тоже но-

вые люди принятые есть и, старым никому веры абсолютной у меня нет. Так или иначе, всегда есть возможность заставить человека стать осведомителем. Деньги, шантаж и прочие примочки дерibasовские. Государева если контора, то на верноподданические чувства могут давнуть, чтобы сэкономить на оперативных расходах. Ну а ежели конкуренты, то, скорее всего – презренный металл.

В Москве начиналась ранняя весна. Зима была малоснежной и старики озабоченно хмурились, на жизненном опыте убедившись и приметив закономерность, когда за малоснежной зимой следовало засушливое лето.

– Каб не пришлось ноне лебеду есть, как десять лет назад, – сетовали старички, шлепая по снежной жиже.

Дороги раскисли, вскрылись реки, и половодье понесло льдины. Но по ночам еще подмораживало и из соседних лесов на окраины Москвы начали забегать стаи волков, рыскающая по кривым улочкам и наводя ужас на дворовых кобелей. Ночные выстрелы стали не редкостью. Имеющие в хозяйстве огневой бой, пугали серых.

– Скоро еще медведи из берлог повылезают и тоже припрутся за добычей, – пророчествовал Серега.

– Чего это они попрутся в Москву? – Аннушка налила чай в кружку и поставила ее перед Мишкой.

– А куда? Понятное дело что сюда. Голод не тетка.

– Сроду такого не помню, – возразила Аннушка.

– Так и лет-то тебе. Поживи с мое. Я как-то стаю тигров

видел в лесу. Из Африки видать забежали. Зубы, во,

– Серега взял в руку нож столовый.– Не, этот маловат. Раза в два подлиннее были.

– Михаил Петрович, вот как мне отличить, где он фантазирует, а где правду говорит?– закручинилась Аннушка, пододвигая к Мишке поближе плетеную тарелку из соломки с домашней сдобой.

– Да очень просто. Он когда правду говорит, то у него уши светлые, а когда брешет, как сивый мерин, то красные,– поделился Мишка охотно с ней методикой, которую почему-то упускают разработчики всяческих детекторов лжи.

– Так просто?– удивилась Аннушка, уставившись на уши мужа.– А сейчас они у него красные, аль это белые считаются?

– Сейчас они у него не мытые. Видать умывался поспешно нынче,– хмыкнул Мишка.– Но вот ежели их хорошенько отмыть, то все-таки белые скорее. Тигров этих ты и сама можешь посмотреть в «мазаришарифке». Там их целых шесть штук. И зубы действительно вот такие, как Серега показал. Сабли, а не зубы.

– Значит, наполовину соврал. Из Африки сказал будто бы. А медведи с Северного полюсу?

– А медведи нашенские, бурые и ужасно голодные, поэтому одна вечером на улицу не выходит,– Серега потер ухо, взглянув на свое отражение в надраенном боку самовара.

– А я и не хожу никуда без тебя, – возразила Аннушка.–

Это ты носишься днями напролет и приходишь заполночь.

— Один раз на прошлой неделе припозднился, отчетность проверял. Достала меня эта бухгалтерия. Сил моих нет. Микха, нужен толковый бухгалтер. Мои чинуши не тянут. Тут нужен женский, хитрый ум. Где взять?

— Аннушку обучай. Пока в положении, на курсы ее засунем и, пусть слушает. По методике допотопной. Вон она у тебя какая способная. Уже всю географию знает. А если ей систематическое образование дать?

— Не-е-е-т. Бухгалтерия это не для Аннушки. У нее же шило в одном месте деликатном, а там усидчивость требуется.

— Шило-о-о!— возмутилась Аннушка.— Да я в мастерской у Катюши самые сложные вышивки делаю, а там не повертишься. Иной раз спина к вечеру, как деревянная. Посиди-ка.

— Вот и я про это же. Оно тебе надо, в бумажках копаться дни напролет?

— Нет,— призналась Аннушка.— Шило у меня в этом самом месте, прав Сергуня-то, Михаил Петрович. Неусидчивая я. Мужняя жена, как муж скажет, так и поступает.

— Смотри-ка, — Серега обнял Аннушку и прижал к себе.— Какие речи разумные слышу. Умная ты у меня и на все руки. Золото, а не жена. Ведь чуть не увел этот-то с рылом кувшинным. Вовремя я сватов-то заслал.

— Смотрю, полное согласие у вас. Даже завидно,— вздохнул Мишка.

– Ну, уж, тебе-то вздыхать... С твоей Катюшей живешь, как у Христа за пазухой, – покосился на него укоризненно Серега.

– Так она опять умотала в 20-ый, а у меня тут дел невпро-
ворот. Видимся раз в неделю.

– Б-е-е-е-дный, – пожалела Мишку Аннушка. – Что за
нужда ее туда понесла?

– Петька, кажется, корью заболел. Теперь пока оба не пе-
реболеют, там будет торчать.

– Ну, так, сам следом беги. Поживи в Питере месячишко.
Обойдемся, как-нибудь и без тебя.

– Не могу, проверяю тут кое-что по поводу «спецуры».
Двоих «засланцев» уже вычислил.

– Что за «засланцы»? – Аннушка распахнула глаза, и даже
ротик приоткрыла.

– Похоже, что конкуренты нас решили прозрачненькими
сделать. На государственную контору не похоже. Вот сего-
дня, может быть, окончательная ясность наступит. Я чего за-
бежал-то к вам? Проедемся, тут совсем рядом. Поговорим
кое с кем. Сегодня эти типусы на доклад идут. Вот мы и за-
явимся. Эти-то «пешки» и не знают толком ничего. В мозгах
сквозняки гуляют. Ну а потом, если все будет, Слава Богу, я
– в Питер, ну а ты домой, под теплый бочек Аннушкин. Мы
быстро. Два часа времени на все про все.

– А я что... – Аннушка улыбнулась. – А мне с вами мож-
но? Сроду «засланцев» не видала. Страсть как хочется, хоть

одним глазком взглянуть.

– Да ты обеими каждый день одного из них видишь.

– Кто же это?– замерла озадаченно Аннушка.

– Новенькая – ваша белошвейка. Работает месяца два всего. Специально подослана, чтобы за Катюшей и мной присматривать. Татьяной кличут.

– Танька!– ахнула Аннушка. – Змея? А такая тихоня, тихоня. Слово не вымолвит.

– Да она-то девчушка хорошая, сама по себе. Семейство у нее большое. Она старшая. Мать хвора. Отец не может всех содержать. Кроме нее там детишек, то ли шестеро, то ли семеро. Вот и соблазнили деньгами. И деньги-то левые. Копейки сущие. Она в мастерской вдесятеро больше зарабатывает. Ну и теперь ей уже не платят вовсе ничего. Теперь она боится место потерять. Шантажируют, ну и благодарность за протекцию требуют. Да только, что она знать может? Но этих злыдней все интересует. Когда кто приходит, в чем одеты, что едим и пьем даже. Посуда, упаковка и прочие мелочи. Вот это мне не нравится. На серьезном уровне взялись за нас. Второй «засланец» в кадетскую школу влез. Подъехал на «кривой кобыле» к Леонидовичу, очаровал и сейчас математику, физику и химию преподает. Француз, между прочим, но по-русски чешет без акцента. И это при том, что живет в России всего пару лет. Несомненно, одаренный человек. Это не Танюшка «на подхвате». В голове, правда, сквозняк, но осмысленный. Этот еще и «свое» что-то ищет. Работает,

как вол. За троих. Леонидович не нахвалится. На Боярского Мишу похож и зовут его?..

– Дартаньян? – предположил Серега.

– Нет. Еще две попытки даю. Напряги извилины.

– Атос, Партос или Арамис?

– Эко, тебя пробило на трех мушкетеров, но шел в верном направлении. Зовут Серж, а вот фамилия Дюма. Тезка твой. И такой же хитрец.

– Как я или Дюма – писатель?

– Как вы оба. Такой затейник доложу я тебе. А любознательный какой! В школе уже все исследовал. Осталась наша комнатенка, в которой аппаратура стоит. Уже ключ изготовил и дважды проникнуть пытался. Первый раз, через дверь понятно. Второй раз, через окно попробовал. С крыши на веревке спустился. Альпинист, да и только. Чуть не сверзился. Бледный, как полотно, потом весь день ходил. Трясло бедолагу от пережитого. Леонидович даже забеспокоился и участие проявил. Ценит он его, как специалиста.

– Дюма? Ну, конечно же. Как я не сообразил сразу. Сергей Францевич. Знаком уже, как же. Весьма смышлен и расторопен. Я думал, что замена Леонидовичу полноценная нашлась. И говорит по-нашему почти без акцента – это верно. Но не два года он в России. Два года, как вернулся в Россию. А вообще он родился здесь. Его предки камердинерами при князьях каких-то состояли, и вырос парень среди осин. Удивительно, что язык все же русский освоил в совершенстве.

Умен. Не зря его Леонидович оценил. Рубит по всем предметам. Кадеты его хвалят. На Мишку Боярского не так что бы и очень похож, тут я не согласен. Скорее Мишка на него слегка, но шустрый дядька. А шпагой, как орудует. Видел я его в спортзале. Опасен. Куда там Карлу. А ведь зацепил же и тот сколько раз меня, пока я его угомонил. А этот и вовсе дуршлаг успеет сделать. Имей в виду, он со шпажкой не расстанется. Гремит ей везде.

– Так у вас там и до смертоубийства может дойти? – всполошилась Аннушка.

– Успокойся, Аннушка, Серега имел в виду, что народ отчаянный и при колюще-режущих. Значит, аккуратнее нужно, чтобы руки им не поотрывать в запале. Но это он для себя сказал. Я давно уже никому за это, руки не выдергиваю.

– А прежде дергал?– не поверила Аннушка.

– А прежде было как-то, что отрубил сгоряча пару ручонков вместе с оружием. Потом сожалел. Обратнo-то не пришьешь.

Глава 4

Мишка с Серегой, ехали по вечерней воскресной Москве на «Троянах». Тверская улица, в конце которой и находился нужный им дом, даже в весеннюю распутицу была достаточно оживлена. Народ вывалился из храмов после вечерней службы и шлепал по колено в грязи, привычно матеря градоначальников.

Перед ними, парная упряжка волокла по лужам повозку

на зимних полозьях, из которой высунулась любопытствующая голова седока – пассажира. Он иногда еще и пальцем тыкал, и что-то, по-видимому, пояснял попутчику, которого видно не было, но судя по артикуляции и тыканию пальцем, был наверняка иностранцем.

– Немец, сразу видно, – предположил Серега, разглядывая квадратную голову в цилиндре.

– С чего взял?

– В пенсне потому что. Вон шнурок болтается. Близорукостью страдает. Значит, читал много при свечах, лежа. Посадил глаза, – Серега, как заправский сыщик, привел аргументы.

– Шерлок Холмс, блин. Европейец, ты хотел сказать?

– Нет, немец, – заупрямился Серега.

– Пенсне потому что? И французы тоже лежа читать любят. Я уж про англичан не говорю. Это их любимое занятие. А уж шведов вообще хлебом не корми, дай с книжкой поваляться. И все потом в аптеку бегут за очками, за «пенснями» этими со шнурком. Мне вот ясно только одно, что это явно не китаец. Даже наши уже дворяне Вольтера прирастались почитать, в этих самых пенсне.

– Спорим на шалобан? – Серега пропустил мимо ушей, Мишкины резонные замечания.

– Да хоть на подзатыльник. Обалдуй. Иди, знакомься, или мне Филю послать?

– Посылай, чтобы все было по честному, а то опять ка-

кой-нибудь гадостью напоишь, а я потом бегай, ищи место отхожее.

– Боишься? Правильно делаешь. Я страшный, если меня разозлить. Филя, слетай, послушай, о чем вон тот с квадратной челюстью господин, в цилиндре бакланит, по-каковски главное,— Филя тут же перебрался на крытый возок, усевшись чуть ли не на цилиндр «немцу». Минуту посидев, и повертев клювом, он вернулся и доложил:

– Бакланят следующее.— «Ты, ослиная морда, когда уже мы приедем на постоянный двор?»

–«Сей момент будем на месте, экселенц. Вон видите те купола. Вот эту кирху проедем и будем на месте»,— на немецком шпарят.

– Подставляй загривок,— обрадовался Серега, поплевав на ладони.

– Не спеши. На немецком, не только немцы разговаривают, но и, например; швейцарцы и австрийцы, и еще, кто только не говорит. В конце концов, даже наш какой-нибудь помещик скорее на немецком заговорит, чем на родном языке. Филя, давай-ка еще разок смотайся и послушай подольше. Интересные персонажи рассекают по Тверской на рысках, — в этот раз Филя сидел и «записывал» разговор «квадратного» с «экселенцем» до самого постоянного двора.

– Какое совпадение замечательное. Нам тоже сюда, — усмехнулся Серега, разглядывая второго пассажира, вылезающего из повозки и увязнувшего в снежно-грязевой каше.

Был он в дорожном плаще и в цилиндре, который натянул до самого носа и маленькие глазки его сверкали из-под полей зло и требовательно. Лицо его, в отличие от квадратной рожи спутника, было скорее уж треугольное, если оценивать с геометрической точки зрения. Еще и борода клинышком, донкихотская и усы, торчащие как у кота, усиливали эту треугольность настолько, что Мишка так и окрестил незнакомца – «треугольный».

«Треугольный», задирая ноги в ботфортах, прошествовал до ворот постоянного двора и шагнул в них, распахнутые услужливо перед ним, «квадратным».

– Ну, кто они?– Серега ерзал в седле и чуть не схватил прилетевшего Филю рукой. Филя ловко увернулся от его загребущих пальцев, растопыренных и свистнувших под его ногами.

– Из диалога, который зафиксирован, эту информацию извлечь возможным не представляется,– чирикнул Филя.

– О чем диалог?

– Тот, что с квадратной челюстью, тому, который «экселенц», достопримечательности местные показывал, с пояснением. «Это,– говорит, – курная изба – в ней курят. А это питейная – в ней пьют. А это постоянный двор – в нем стоят». А тот, который «экселенц», все фыркал и злословил:– «Варвары, дикари»,– говорит,– «В городе у них горожане, в деревнях деревенщина, еду едят, питье пьют. Прimitивный язык».– Ну и все в таком же духе. Не нравится ему фонетика

русская, хотя слова по-русски произносит вполне членораздельно, с пониманием.

– Ладно уж, Миха, щелкай «перстами» времени столько потеряли зря с этим Филей. Ничего толком выполнить не умеет. У меня чего-то рука чешется. Как там затылок твой? Только по-честному чтобы. Насвестишь сейчас, что они негры, знаю я тебя.

– Понятное дело, что негры. Особенно тот, что с челюстью, как у бульдога. Напудрились пади,— Мишка щелкнул пальцами и замер, вслушиваясь.

– Обломайся, Серега, — это не немцы. Вернее тот, что с мордой треугольной, как раз немец — прусак, а вот тот, что с рожей квадратной — наполовину наш. Маман у него татарка из Казани. А папаша евоный, тоже наполовину только немец, а на вторую половину — француз. Четвертинка там немца всего.

– Ничья значит,— вздохнул с сожалением Серега.

– Какая ничья? Три один в мою пользу. Значит, я тебе два подзатыльника должен.

– Здравсте! Что это за арифметика странная? Неправильная. На то уж пошло, нужно у этого «квадратного» спросить, кем он себя ощущает. Как на переписи. Если скажет, что татарин, значит, твоя взяла — бей. Ну а уж если он себя немцем считает, то тогда я вмажу. А ничья будет пусть, если он себя французом возомнил. Это если по справедливости.

– Выкрутился,— Мишка прыгнул на черные доски тро-

туара и повел Лерку в поводу. — Стой здесь и никуда не уходи, — Мишка набросил уздечку на вбитый в столб крюк и поднялся на высоченное крыльцо, постоянного двора. Его удивила тишина на подворье. Не сезон понятно, но обычно служилый холоп или сторож наемный, выходят обязательно встретить. А тут ворота открыты и нет никого. Прозвучавшие два выстрела подряд внутри дома, заставили парней переглянуться и достать из карманов «Завесы».

Мишка толкнул двери, прошел через сенцы и, распахнув вторую дверь, вошел в гостиную — трапезную и кухню по совместительству. Здесь оказалосьлюдно, человек пять стояло, столько же лежало на полу. Позы лежащих сомнений не вызывали, убиты и скорее всего хозяева, и обслуживающий персонал, постоянного двора. А вот убийцы — злодеи, тоже несомненно — оставшиеся в живых. У двоих в руках еще мушкеты дымятся, а двое с обнаженными клинками замерли.

Кроме пятерых стоящих убийц и лежащих пятерых убитых, на табуретке сидела девица, вцепившаяся в руку стоящего перед ней уже знакомого Мишке «Треугольного». Он, очевидно, о чем-то ее спрашивал, прихватив за русую косу.

Мишка вошел совсем не кстати, помешав и «Треугольный» недовольно повернул свою рожу в сторону заскрипевших дверей. Был он сейчас без цилиндра и оказался лыс, как бильярдный шар.

«Классический злодей из Чарли Чаплинских фильмов

немых»,— подумал Мишка.

А «классический злодей»— парень решительный и разговоры разговаривать не стал, скомандовав:

— Убить!— и двое с шпагами прыгнули в сторону входной двери. В одном из них Мишка узнал Сержа Дюма. Тот тоже узнал его и, придерживав за руку напарника, крикнул охрипшим от волнения голосом:

— Экселенц, это они. Главные в Торговом Доме.— Экселенц, живо сориентировавшись, косу девичью из руки выпустил, и подпрыгнул от радости.

— Какая удача! Сами пришли. Хватай, вяжи!— и сам кинулся помогать, размахивая куском пеньковой веревки, появившейся у него в руке невесть откуда.

— Давно столько сразу придурков в одном месте не встречал, — удивился Серега, отшвыривая от себя первого подскочившего к нему молодца, пытавшегося оглушить его рукоятью пистолета. Молодец сполз тихо по бревенчатой стене и притих, а следом полетел Серж Дюма, размахивая обломком шпаги.

Этому не повезло, впечатался в стену рожей и повис, вцепившись в рукоять шпаги мертвой хваткой. Обломок вошел между бревнами легко, как шило в зад.

Еще двоих глушанули, так же качественно. Причем Серега, «квадратнорожего» аккуратно повесил, согнув, на дверное полотно. Видимо, чтобы не забыть, потом расспросить о национальном самосознании.

Дверь поскрипывала недовольно под тяжестью медвежьей, согнутого пополам «татаро-немце-француза» и голова его при этом ударялась в печной выбеленный бок. Не сильно, но громко. И понятно почему. Печь внутри пустая и голова тоже. Пустое, по пустому всегда так бывает.

Оставшийся в одиночестве «козлобородый», веревкой размахивать сразу прекратил и, сориентировавшись, попытался выпрыгнуть в окно. Идиот. Там окно-то, окно... Но раму выворотить успел табуреткой, с которой как ветром сдуло девицу. Забилась под стол дубовый и зажала рот кулаками.

Табуретку у «экселенца» Мишка отобрал и пару раз слегка по ушам здоровенным врезал, чтобы в себя привести. Но тот рвался, норовя завершить начатое – доломать раму оконную своим «бильярдным шаром». Пришлось обездвигить, для его же пользы.

– Замри, нечистая сила, – щелкнул Мишка пальцами и «экселенц», застыл, вытаращив глаза и открыв рот.

– Отдышись и подумай хорошенько. Ты в это оконце только намыленный пролезешь, кретин. А для этого нужны – вода, мыло и раздеться еще обязательно. У тебя есть мыло? Нет. Чего тогда ломишься? Постой и подумай,

– Мишка нагнулся и протянул руку девице.

– Татьяна, давай помогу, вылезай. Досталось тебе тут, я смотрю. Мы с тобой потом поговорим. Беги домой и не бойся ничего. Ну, или если страшно, то води своих всех в швейную мастерскую. Я через часик освобожусь и подойду. И не

бойся ничего. Я давно все про тебя знаю. Не уволим. Все будет хорошо. Успокойся,

– Татьяна заревела в голос, вцепившись в Мишку такой хваткой, будто боялась улететь.

– Михха и -и -и –л Ппетро-о-о...– пыталась она что-то сказать.

– Не говори ничего, знаю я все. На-ка вот водицы,

– Мишка зачерпнул ковш воды из ушата стоящего на лавке и Татьяна, расплескивая воду, принялась пить, всхлипывая и приходя в себя.

– Ну как, полегчало?– Татьяна кивнула. – Пошли я тебя провожу до ворот,– Мишка вывел девушку из дома и помог спуститься с крыльца.

– Живешь-то далеко? Ну, это рядом. Давай, собирай домашних и к нам перебирайтесь пока. Или у вас там хоромы родовые бросать жалко? Домишко – завалюха? И сколько вас там? Девятеро. Веди к нам. У тебя отец-то, в каком ремесле подвизается?

– Сапожник он, но сейчас хворает и заказов нет,– прошептала едва слышно девушка.

– И мать хворает? Что у нее?

– Чахотка,– заплакала Татьяна.

– А у отца?

– Отца упряжка боярская сбила, ногу повредил, ходить не может третью седмицу.

– Вот уж – «Пришла беда – отворяй ворота». Мать-то что

же совсем плоха?

— С кровью дышит уже, боюсь я что братья, да сестры от нее хворь эту переймут. Марфутка уже запокашливала и Пашутка тоже синий уже весь,— еще пуще залилась Татьяна.

— Иди, собирай своих. Поживете пока у нас. А там глядишь все и образуется. Что же ты не подошла к Катюше?

— Да как же? Она и так благодетельница, а еще и виновата я. Как? Одни мы, что ли плохо-то живем? Всем нелегко, — Мишка достал носовой платок и вытер ей слезы: — Беги, потом поговорим обстоятельно. Разберемся с этими злодеями, да и придем,

— Татьяна побежала домой, оглядываясь через каждые два шага, увязая в снежной каше.

Мишка вздохнул тяжело:— «Еще одна судьба незавидная. Что за век такой? Что за страна у нас такая, что всегда в ней большинству людей плохо?»

Пока он провожал девушку и разговаривал с ней, Серега времени не терял и попытался разговорить экселенца.

— Молчит гадюка,— посетовал он.— Ты что ему и язык заморозил?

— Нет, вполне может общаться, если захочет. Не желает видать с тобой.

— Я так и понял. Ишь, глазенками поросычьими зыркает.

— Ты, Серега, давай-ка, наверное, за околоточным сходи. Всю ведь семью вырезали подлецы. Вон, пацана десятилетнего и то не пожалели. Женщину вон. Сволочи. Или послу-

шать желаешь? Так я распоряжусь, Филя все запишет.

– Иду, только вот у этой гниды «квадратной» спрошу, кем он себя считает по национальности, а то ты забудешь, а потом где я его в узилищах-то искать буду. Или на каторге,

– Серега похлопал ладонью по квадратной челюсти, висящего «квадратного», но тот не отреагировал, пуская слюну и мотая головой.

– Миш, приведи в соответствие,

– Серега сбросил тушу «квадратного» на пол и выплеснул на него ушат с водой. Холодная вода подействовала благотворно или легкий щелчок, но «квадратный» глаза открыл и даже слюни вытер мокрым рукавом.

– Ты кто?– присел рядом с ним на корточки Серега.

– Я есть подданный его величества короля Пруссии. Фердинанд фон Заугель.

– Немец?

– Я. Так есть,– гордо вскинул квадратный подбородок Заугель.

– А мать татарка из Казани – это как? Ты выходит татарин, наполовину?– Серега торжествующе оглянулся через плечо на Мишку.

– Ты еще про бабушку француженку расспроси, – усмехнулся тот.– Нашел время.

– Так кто ты, фон Заугель? Немец, Татарин или Француз?

– Серега уставился в лицо Фердинанда пристальным взглядом.

– Во Франции я француз, в Пруссии – прусак, – гордо произнес Заугель.

– А в России – татарин?

– В России я – немец, – зло блеснул глазами Заугель.

– Ну и хрен с тобой, немец. Я тут подзатыльник в пари на тебе выиграл, так что вроде как обязан. Но я не жадный, получи раз такое дело, а я как-нибудь обойдусь следующим разом, – сообщил ему Серега и влепил звонкий шалобан в низкий лоб немца. – Не стоит благодарностей. Я пошел за околоточным, Миха, пиши, интересно будет послушать,

– Серега вышел, перешагнув через выпавшего из реальности от щелчка, немца.

– Времени у меня мало, сейчас сюда слуги Закона заявятся, – начал Мишка. – Рассказывай. Кто? За каким хреном крутишься вокруг Торгового дома? Кто послал?

– Я граф Готфрид фон Лейбниц и меня никто не может послать. Я иду сам туда, куда считаю нужным, – высокомерно заявил, как оказалось, граф.

Мишка удивленно приподнял брови:

– Вот значит как? Поэтому «экселенц»? А я думал кличка воровская. А это они, значит, ваше графское достоинство отмечают. Ну и чем обязаны? Такому вниманию с вашей стороны, граф?

– Я должен вывезти одного из вас в Пруссию.

– Какая честь! Зачем?

– Вы самые богатые люди в Российской империи. Поэто-

му.

– Да с чего вы взяли что «самые»?

– У нас есть информаторы в казначействе, – скривился в презрительной улыбке Готфрид.

– Верю. «У нас» – это у кого?

– У нас это у истинных патриотов государственности и блюстителей истинного христианства... – Граф облизнул пересохшие губы и принялся говорить. О том, что грядет Антихрист, что Европа слепа, а Россия погружена в медвежью спячку. Что только они – истинные Аристократы Духа осознают истинную опасность и ее размеры катастрофические, апокалипсические, необратимые.

– Французская революция расплзается по Европе метастазами и заполняет ее. Еще год, другой и явится Тот, кого называют "Сын Беззакония". Ангелы уже вострубили, но мало кто их услышал. Не многие поняли. Аристократы Духа – это те, кто может остановить грядущее пришествие Антихриста. Нас мало и у нас мало средств, чтобы организовать истинную Коалицию и Сопротивление достаточное. Решено привлечь средства со стороны. Экспроприировать, если будет такая надобность. Для выполнения нашей миссии все средства допустимы. Мы предлагаем сначала добровольно помогать нам, но когда нас не хотят слушать, мы действуем решительно и это правильно. Потому что сидеть, сложа руки – смерти подобно. «Сын Беззакония» – «Зверь», набирается сил. Он, в отличие от нас, не миндальничает. Он бе-

рет все, до чего дотягиваются его лапы. Это дает нам право действовать адекватно.

– Это когда же вы Аристократы Духа обращались к нам с просьбами, что-либо профинансировать?

Что-то не припомню я таких просьб?

– Привезли бы вас в Берлин и обратились.

– Как мило с вашей стороны. Экскурсию бесплатную в Берлин хотели нам устроить, а там душевно поговорить. А мы не поняли по медвежьей глупости своей, в спячке пребывая.

– Вы многое не понимаете, – опять скривился презрительно Готфрид.

– Да где уж нам. Вот эти убийства, например. Зачем?

– У вас говорят. – «Лес рубят – щепки летят» – это «щепки». Они... – Готфрид кивнул на тела, – хотели донести. Хозяин был нами завербован, но возомнил о себе, или о нас, неведь что. Вон тот, который у входа с пулевым отверстием в черепе – полицейский. Его узнали, и он пытался убить нашего агента,

– Мишка подошел к телу убитого и действительно увидел в его руке нож.

– Пришлось его ликвидировать, а вместе с ним остальных, как свидетелей. Нам не нужна огласка.

– А к Императору вы с просьбой о помощи не обращались?

– Он в прелести. Околдован окружением. А оно сплошь

из слуг антихристовых – масонов. Как можно просить о чем-то того, кто возвращает их к власти?

– Значит вы АД – Аристократы Духа. Странная аббревиатура получилась не находите, граф?

– Нет. Не нахожу. Мы АД для Антихриста и слуг его, и воинства его.

– Лихо. Вам только не хватает черепа со скрещенными костями на красных знаменах и свастики.

– У нас есть знамя и герб есть.

– Интересно было бы взглянуть. И как же они выглядят?

– Полотнище траурной скорби и на нем рыцарь, скачущий в последнюю схватку.

– А девиз? Девиз есть? Если нету еще, то я предлагаю, – «Это есть наш последний и решительный бой», и череп со свастикой всенепременно хоть по углам налепите, раз у вас по центру уже всадник, сломя голову, несется.

– Девиз есть уже. «С нами Бог».

– Гот мит унс? Правильно. Краткость – сестра таланта. А я тут с банальностями лезу. Коротко и ясно. Кто же возглавляет АД?

– Совет из достойнейших. Эти люди наша Надежда и Вера.

– Про Любовь упомянуть забыли, – напомнил Мишка.

– Любовь мы оставили Господу нашему. Он грядет с ней на своих знаменах, а мы лишь предтечи Его и посему не держим столь возвышенно. Нам Вера и Надежда в удел Им нис-

посланы.

– Сколько патетики возвышенной. Однако отвечать вам в ближайшее время придется перед судьями земными, за банальнейшее убийство нескольких подданных Российской империи. Вам, как главе шайки, а им как исполнителям злодеяния. И разговаривать мы с вами, вот такими «борцами», желания не испытываем. Грязными руками, чистое дело не делают. Хотя с вашим Советом я бы пообщался и, причем, не откладывая в «долгий ящик». К кому обратиться по приезду в Берлин?

– К Кюрфюрсту Герцогу ... Готфрид радостно блеснул глазами и принялся сыпать именами и адресами.

– Вы не пожалеете, что приняли это решение. Вы нужны нам, а мы вам. Это был бы самый могущественный Альянс, за всю историю Европейскую.

– А вы не преувеличиваете наши возможности и ваш потенциал?

– Нет, я – реалист. У нас достаточно информации, чтобы сделать правильные выводы. Наши агенты поработали на славу, и мы располагаем ясной картиной ваших финансовых возможностей. Вы империя финансовая в империи законодательной. Не хотите пока прибрать власть видимую также, но невидимая власть уже сосредоточена в ваших руках. В Москве пока только и в Санкт-Петербурге. Но эти два главных города Империи и они та лакмусовая бумажка, на которой мы видим, что ждет Россию через несколько лет. Менее

чем через десятилетие. Вы подомнете под себя всех. Сядете на финансовый трон и, Россия поскачет туда, куда вы ей прикажете. А кучером в эту повозку посадите того, кого посчитаете нужным. Павла, Александра или кого-то еще. Марионетка – вот его истинное имя. А кукловоды – Торговый Дом «Руковишников и К».

– Здорово. Значит, мы узурпируем власть? Так может, пока вы гоняетесь за «призраком» бродящим по Европе – за Антихристом, Он явился в России в нашем лице? Захватим власть сначала здесь, а потом прикрутим и Европу к Российскому тарантасу?

– Такое предположение высказывалось и даже некоторые из Аристократов высказывались не за Союз с вами, а за ликвидацию вашу, как потенциальных «Сынов Беззакония». К единому мнению не пришел Совет. Большинство за переговоры. Потому что вы пока не суетесь в Большую политику и законопослушны в рамках Империи. А в Европе обозначились пока только в банковской сфере, что никак не может влиять на политические процессы там протекающие.

– Может мы собираем силы и готовим плацдарм, для последующего натиска по всем направлениям? Это не приходило вам в голову?

– Приходило. Поэтому с вами хотят говорить, – Готфрид с уважением посмотрел на Мишку.

– Я вас отпущу, чтобы сэкономить время, которое вы потеряете зря, «выкручиваясь из тисков правосудия». Поез-

жайте в Берлин. Мы будем через три недели. В конце марта, по указанному адресу у Кюрфюрста. Ну а «щепки» предоставим убирать местным блюстителям порядка. Вы свободны, граф,

– Мишка щелкнул пальцами и Готфрид фон Лейбниц протянул ему руку:

– Я весьма был рад с вами беседовать, герр ... Прошу прощения, но вы не представились.

– Соболев Михаил Петрович, честь имею.

– Очень, очень рад. Я могу забрать своего помощника – Заугеля?

– Забирайте. Я же вижу, что без него вы не уедете, а это значит, что опять потеряете время, пока будете его «отмазывать». Остальные будут отвечать по Закону и распорядитесь, чтобы ваши агенты, те которые пока на свободе, прекратили преследовать бедную девушку и Торговому Дому внимание не уделяли. Ваше любопытство может стоить им жизни.

– Согласен, герр Соболев. Вы сильный человек. Весьма загадочный и обладающий гипнотическими способностями, я в восхищении. Сегодня же выезжаю. Честь имею, – граф вышел, уводя с собой уже давно поднявшегося на ноги Заугеля, посматривающего в сторону Мишки с опасением, но молчащего. На лбу у него красовалась здоровенная шишка, которая продолжала увеличиваться, грозя превратить и без того маленькие глазки в щелки. Мишка вздохнул и убрал ее со лба немца, в память о его маме – казанской татарке.

Околоточного Серега привел минут десять спустя, после ухода графа Лейбница и служивый, стимулированный ассигнацией, развил кипучую деятельность, демонстрируя Закон в действии. С ним пришли еще двое служивых, поэтому парни не стали задерживаться на осиротевшем постоялом дворе, оставив письменное объяснение происшествия.

Вручая исписанные листы околоточному, Мишка пояснил на словах, что все написанное от первой до последней буквы правда и ничего более добавить они не могут, а по сему просят власти не беспокоить их.

– Вам, сударь, чтобы не утруждали себя напрасными хлопотами, позвольте воспомоществование сделать вот этой ассигнацией. Это за то, что беспокоить нас не станете. Разберитесь со злодеями вдумчиво,

– Мишка сунул служивому, в карман мундира обтрепанного, сто рублей и тот, обомлев от радости, даже спасибо сказать забыл.

Застыл истуканом и «ел» глазами, пока не вышли во двор.

– Вот что значит «стимул», – кивнул Серега в сторону дверей, из-за которых раздался «вдумчивый» рев околоточного:

– Отвечай, тать непотребный, глаз вырву.

Филя уселся на плечо Серегино и погнал запись разговора Мишки с графом.

– АД, – усмехнулся Серега. – Аристократы. Схвачено у них все, а прокололись на примитивном бандитизме.

– Да не «прокололись», просто возомнили себя «право

имеющими». А всех остальных «тварями дрожащими». Читал Достоевского?

– Теорию Раскольникова? А нас они куда отнесли?

– Пока к «тварям» и, Слава Богу. Потому что кроме себя никого «право имеющими» не признают и если к ним отнесут, то устранить решат. Попросту ежели, то жизни лишат. Вон, как семью эту. Граф ясно дал понять. – «Кто не под ними – тот труп».

– Весело! Едем в Берлин?

– Обещал. Могу и один смотаться, если у тебя желания нет.

– Ага, сейчас. Чтобы я пропустил такое шоу? Не дожدهшься. А ты знаешь, Миха, он ведь – граф этот лысый, прав где-то. Только они считают, что Антихрист грядет весь в клубах дыма и раком поставит всех и сразу. А я думаю, что идет он медленно. Столетиями. Не спешит гад. Взгляни на Европу нынешнюю и конца 20-го века. Что, прежде всего в глаза бросается? Разница какая? Между этой и той?

– Эта интереснее. В ней процессы кипят. Энергия через край плещет. Государства образуются новые. Нации по языкам кучкуются. А в конце двадцатого Европа – это спальный район комфортабельный, для белых воротничков. Туризм, памятники на каждом шагу. Царство теней и размытые национальные признаки. Евро – одним словом. Скукота. Разве что Франция выпадает слегка, благодаря кодексу Наполеона, по которому живет. Весело там, судить по фильмам если.

Но боюсь, что и это всего лишь видимость жизни. Впереди Европу ждет ликвидация таможен и единая валютно-денежная единица. Носятся они с этими Соединенными государствами, как с писаной торбой. Наполеон, вон сколько войн провел и крови пролил, чтобы это же сделать. А тут без крови и стрельбы, раз и одно большое государство. И что будет лет через двадцать? Поколение будет новое, симбиозное. Которое уже не будет понимать кто оно. Космополитизм и глобализм победили. Вернее Антихрист. Что объединять будет эту массу европейцев? Деньги. Больше ничего. Все остальное сомнительно. Общая культура, искусство, история? Там только темы для раздоров или средство для них. Значит, прогладят утюжком или отстранится каждый. Электорат получится, пальчики оближешь. Причем, очень управляемый. Европа дважды объединялась за последние двести лет. Раз в сто лет. Оба раза насильственно. И оба раза разваливалась, сцепившись с Россией. Вот теперь в третий раз. Но вроде бы добровольно. Иначе все происходит. А как закончится? Опять на нас попрут? Думаю, что да. Только иначе и попрут. Попытаются сделать своей дешевой базой сырьевой.

– Вот и я про это. Антихрист, Антихрист. Сначала Бонапарта так заклеямили, потом Гитлера. А Тот придет тихо, без криков «Хайль» и треска барабанов. И не с мечом в руке, а с калькулятором. Я недавно Апокалипсис перечитал Иоанна Богослова и знаешь, что мне в конце в голову пришло, когда строчки последние прочитал? Ну, там где написано, что го-

ре тому «кто прибавит или убавит», что-то из пророчества этого.

– Что?

– Показалось вдруг, что убавить может и прибавить не осмелились, а вот местами попереставляли, наверняка. Такое ощущение, что Иоанн увидел видение и записал, что запомнить сразу смог. Потом ходил пару недель и что-то еще вспомнил – опять записал. И так раз двадцать. А потом то, что получилось, в печать сдал, как есть – не отредактировав. Или записал правильно, но наборщик со вчерашнего бодуна попался, с руками трясущимися и листы выронил, а потом первый и последний положил правильно, а остальные набрал как попало. Иоанн очень умен и образован, почему такая непоследовательность в повествовании? Будто двоечник стихотворение рассказывает наизусть, в учебник подглядывая. И то с конца начнет, то в середину влезет, то опять к началу вернется.

– Ну и к какому выводу пришел?

– Вывод ясен и прост. Иоанн Откровение пишет, сочувствуя людям, и пишет понятно, как надо, но из его Пророчества делают катраны, вроде Нострадамусовых, зашифрованные так, что кроме поэзии хитрой никто ничего не видит уже. Вот хотя бы с этим предупреждением про «добавить и отнять» что-либо в тексте. Про переставить, кстати, Иоанн ничего не говорит. Считает, что нет в том большого несчастья? Он предупреждает буквально вот так. Я даже

запомнил.— «И если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни, и в святом граде, и в том, что написано в книге сей»,— Конец цитаты. Я так понимаю, что здесь присутствует тавтология непростительная для автора, но простительная для бездумного переводчика. Я про «книгу». В одном предложении слово «книга» трижды употреблено. Гадай теперь чего там отнимет Господь у нарушителя. То, что в «книге жизни» записано? Или, то, что в «книге пророчества сего». По смыслу, конечно же, понимать нужно, что «книге жизни», а перевернуть можно смысл и по другому. Иоанн столь безграмотен? Или переписчик не трезвый, с гусиным пером? И это в предложении обыкновенном, про административные меры воздействия к нарушителю применяемые. Я нашел два толкования. А сколько богословы хитромудрые сыщут? А если взять прямо из пророчества фразы про колесницы, бегущие, хрен знает какие с колесом в колесе и «исполнены очей»? Почему для умных века сжаты, а для идиотов, среди которых «найду ли верных?», дни сосчитаны? А идиоты, в конце двадцатого века, с облегчением вздыхают, когда очередной «конец света» не состоялся, объявленный очередным мошенником. Так хоть бы праведно жили эти дни, сосчитанные мошенниками. Нет, ждут, когда объявят официально.— «Пришел конец света, всем выйти на Суд». И радуются, что не объявляют. Так же и с Благодатным огнем. Он, когда придет Антихрист, не сойдет и вот все «ура» орут, когда сходит в очередной раз.

Значит, не пришел еще Антихрист. А вдруг уже пришел, а мы и не заметили.

– Тогда в чем смысл Откровения Иоаннова?

– Смысл в том, что Иоанн хочет – чтобы люди думали. Господь хочет – чтобы думали. Размышляли, и дает духовную пищу для ума. Это пища для ума, а не объявление о предстоящих катаклизмах. Как прогноз погоды наших синоптиков. Он у них тоже – пища для ума, потому что никогда не соответствует реальной погоде.

– Эко тебя занесло. Где Апокалипсис и где прогноз погоды?

– Да рядом. И в том и в другом случае достоверность не проверишь, пока время не придет. «А пока гром не грянет...» Я только одно понял про Антихриста. Не он к людям придет. Они к нему придут. Он стоит и ждет. Всегда готов явиться. Причем на любых уровнях. От вшивой деревушки, до Империи вроде нашей. Придет и сядет на шею покорные. Ну а все, что до того – путь. Каждого Человека в отдельности и народов в совокупности, к этому. Об этом Откровение Иоаново. Он сетует. Через него Бог сетует. И хочет, чтобы думали. Задумывались. «Не хлебом единым» жили. «Но и Словом», а остальное – комментарии к этому. Какая разница придет, не придет – этот Антихрист к людям, которые станут такими, что «Найду ли верных?» «Ради немногих». Двух, трех, миллиона? Не много – это сколько? Проще их изъять. Вот и показывает Иоанн, что с остальными станет.

Воду загадят, жрать будут и не наедаться. Не люди – свиньи. «Мертвыми» их называют в Библии.

– Так и сейчас полно таких, которых людьми язык назвать не поворачивается. Во все времена хватает. В 20-м их не больше и не меньше, если по ним судить, то еще до Конца Света ох, как далеко.

– Причем тут конкретный Конец Света? Умер Человек – вот и его конец света наступил. Зайди на кладбище любое, там на крестах каждый день конец света обозначен. Конец света для тех, кто умер и, Там его дожидается – это не конец, а наоборот начало. Новое Небо и Земля обещаны. Царство Божие. А историю Человечества в Царстве этом, проходить будут детишки на уроках.

– Там и детишки будут, думаешь?

– А как же? Это в Раю все одного возраста, а в Царстве Божьем все нормально будет. Вон космос бесконечный какой. Кто осваивать будет? Забыл, что в Раю Бог Адаму с Евой сказал? "Живите и размножайтесь. Наполняйте Землю". А они, вместо этого, плодов запретных нажрались.

– Так Змий же гад, обольстил, – заступился Мишка за прародителей Человечества.

– Ну, так бы и сказали, что виноваты мол, змий гад попутал, больше не будем, мол. А они стали друг на друга валить. Адам на Еву кивает, дескать, уговорила. – «Что ты, мол, за мужик, яблоко не можешь куснуть без благословения, мол». Ну а та уж на Змеюку эту – хитросочиненную. Причем змий

там какой-то, навроде крокодила был, с лапами. Господь ему за то, что соблазнил семейство Адамово, ноги повыдергал и сказал:— «Ползи отсель».

— Ты мне всю книгу Бытия своими словами решил пересказать? Не надо, Серега, читал я ее.

— Да ты что? Когда успел?

— А пока ты мебель в Питере крушил в начале 20-го века.

— Во, блин, а я думал, что удивлю познаниями,— расстроился Серега.

— Да удивил, удивил. Про детишек в Царствии Божьем.

— А ты как думал?

— Я думал, что нет там детей. Взрослое все население.

— Ну, ты тупой, ну тупо-о-ой. Что это за жизнь такая тогда? На хрен она нужна тогда такая, да еще и вечная. Ты что Нагорную проповедь не читал?

— Читал. А там про детишек разве написано, в Царствие Божьем?

— Нет, там сказано, что «кроткие наследуют Землю». Понимаешь? Не Луну, а Землю. Луна впридачу, со всем остальным космосом прилагается.

— Ну и что?

— Как что? Господь утешает тех, кто при этой жизни был кроток и ничего поэтому не имел. Даже детей. Не справедливо ведь? Так вот они наследуют Землю. Зачем? Чтобы плодиться, размножаться и получить все, чего не получили при этой жизни, где их гнобили. В том числе и детей.

– Сам додумался или подсказал кто?

– Так Нагорная проповедь и подсказала. Я когда понял, чуть «Еврики» не заорал.

– «Эврика»?

– Ну, да и она тоже.

– Ладно, спорить с тобой не буду пока. Порасспрошу по этому поводу людей знающих. Леонидовича, например с Катюшкой. Тогда продолжим полемику на эту тему.

– Давай расспрашивай. Фома неверующий.

– Но, но, сравнение не уместно. Фома вообще в Христе и Его воскрешении усомнился, а я в твоих умозаключениях. Разница очевидна.

Глава 5

Дома Мишку ожидало семейство Татьянино. Сидели все на диванчике и стульях, сложив смиренно руки на коленях. Глава семейства – Иван Никанорович Петров пристроился на стуле, рядом с супругой – матерью семейства – Марией Поликарповной. Мария Поликарповна горела чахоточным румянцем и дышала с посвистом, виновато улыбаясь и комкая в руках тряпицу, которой поминутно протирала рот. Губы у нее запеклись и лихорадочный блеск неестественно огромных глаз на исхудалом лице, сказал Мишке гораздо больше, чем Татьяна на постоянном дворе.

– «Последняя стадия чахотки», – машинально подумал он, знакомясь с семейством Петровых. Детишек, кроме Татьяны, было еще шестеро, мал, мала, меньше. После Татьяны,

следовал по возрасту Пашутка – мальчишка лет двенадцати – копия матери. Даже румянец чахоточный уже присутствовал.

Пригляделся Мишка и к остальным детишкам. Марфутка – девчушка лет десяти, ему тоже не понравилась, неестественной худобой и румянцем не обыкновенным. Остальные дети опасений пока не вызывали и Мишка потащил всех на второй этаж в трапезную. Здесь он сумел разговорить старших Петровых, ужасно застенчивых и неловко себя чувствующих в «хоромах барских».

– Иван Никанорович, а что же вы в суд на лиходея, вас сбившего, не обратились с иском?– спросил он сочувственно, зная ответ заранее. Спросил, чтобы разговор завести. Детишки, кстати, освоились за столом гораздо быстрее взрослых. Их Мишка, усадил с Татьяной за стол общий, большой. А с родителями присел за столик на четверых, который стоял специально для семейства, чтобы не стеснять белошвеек.

Иван Никанорович взглянул на Мишку глазами полными скорби и тот понял, что этот человек разуверился в справедливости на этом свете так давно, что и не ищет ее нигде, и ни в чем, принимая несправедливости и удары по голове, как должное.

– Понял,– кивнул Мишка.– «Тот прав, у кого больше прав?», «Закон что дышло и так далее?»

– Ну, дак... – кивнул Иван Никанорович, удобнее пристраивая изувеченную руку, которая не хотела слушаться и

норовила соскользнуть с колена. Мишка взял его ладонь в свою и проверил что с рукой. Рука сохла. Сухожилие, перебитое, не срасталось и лопнувшие кровеносные сосуды не хотели нормально снабжать клетки кровью. Что-то еще там было не правильно, но очень на глубоком энергетическом уровне и Мишка ограничился тем, что восстановил сосуды и сухожилие, попутно просто наложив положительную ауру на выздоравливающие клетки. Это у него получалось лучше всего.

– «Нужно просто пожалеть человека, посочувствовать ему про себя громко, чем громче, тем эффект выше», – как-то попытался он объяснить свой метод Сереге и тот пожав плечами, отвязался с расспросами. Вот и сейчас Серега сидел с ними за столом и с любопытством наблюдал, как начинают разглаживаться морщинки скорбные на лице Ивана Никаноровича, а румянец чахоточный, сползает с лица его супруги.

– А ты чего расселся? Серега, тащи самовар,

– Мишка щелкнул пальцами. – Давно стоит и паром исходит,

– Серега вскочил и помчался на кухню. Вернулся с самоваром и подмигнул Татьяне.

– Танюша, вперед за кренделями и посудой. Помогай, – Татьяна подхватилась и убежала следом за ним.

– Поживете пока у нас. Я в курсе ваших обстоятельств житейских. Что работы у вас нет. Иван Никанорович, а почему

вы к Силиверстовичу не подошли прежде, до увечья? Ему сапожники и скорняки, во как нужны,

— Мишка провел ребром ладони по горлу.

— Мы это... — замялся Иван Никанорович. — Неудобственно кактось. Вот, мол, он я.

— Ну, ладно. «Удобственно, неудобственно». Завтра отправляйтесь в мастерские, Танюша знает где, объяснит. Там будут уже предупреждены и работой загрузят.

— А это как ж? — кивнул на руку Иван Никанорович.

— А это, как позволит, так и работайте. У нас там одно-рукий мастер есть. Познакомитесь, удивитесь. Артель собралась славная. Орлы.

— Премного благодарны, барин, — поклонился, встав, Иван Никанорович.

— А вот этого не нужно. Во-первых, я не барин, а вы не мой холоп. Во-вторых, пока и не за что. А звать меня Михаилом. Так и зовите. Давайте-ка чай пейте. Продрогли пади, пока добирались?

— Да мы уж согрелись, у вас в горнице-то. Тепло у вас и благодатно, — вздохнула, оживившаяся Мария Поликарповна.

— А вы, Мария Поликарповна, отчего к чаю не притрагиваетесь? Пироги-то нынче, какие девчонки спроворили. Свежие и румяные. Не стесняйтесь. Вам, при вашей болезни, хорошо питаться нужно. Детишек еще вырастить нужно, потом внуков нянчить,

– Мишка пододвинул поближе к Марии Поликарповне пироги.– Мы вас оставим с Сергеем на часок. Будьте, как дома. Татьяна, детишкам пряников принеси тульских, распоряжайся, не сиди сиднем. Ужинайте не спеша.

– Да мы сыты...– попыталась, отнекаться, Танюша.

– Разговорчики, – перебил ее Мишка.– Живо за пряниками и пирогов еще неси, вон «подмели» уже почти все.

– А как же девочки завтра?– засмушалась Татьяна.

– Блинов с утра напекут или пошлем кого-нибудь в кондитерскую. Мы вот Марию Поликарповну тут на кухню поставим главной и чтоб вам не отвлекаться, пусть заправляет. Справитесь, Мария Поликарповна?

– Ой...– испугалась та.– Стряпня-то моя, по нраву ли будет?

– Особенная она у вас какая-нибудь?

– Да какая же особенная? Как все готовлю,– произнесла, запунцовев, Мария Поликарповна.

– Ну, если «как все», тогда с завтрашнего утра и приступайте. Девчонки-то малоежки. Да еще все сами норовят что-то сочинить. Вы им главное не мешайте, пусть что хотят, делают. Только порасспросите, кто на что горазд и когда собираются кулинарничать, ну и в тот день главное, чтобы повторя не получилось. Разберетесь. Здесь весело. Ну и оплата, как положено. Завтра вам жилье подыщем где-нибудь рядом, чтобы не бегать через всю Москву. Ну, а пока занимайте гостевые комнаты. Там пусто. Серега вон у себя живет, в сво-

ем доме. Силиверстович тоже в своем домике расположился. Леонидович в школе обосновался. Живите пока. Татьяна вам все покажет, где у нас что есть. Ужинайте. Через часок я вернусь.

– Серега, забеги завтра с утра к Силиверстовичу, предупреди его об Иване Никаноровиче. Мужик-то смирный, как в народе говорят. А я займусь жильем для них,

– Мишка с Серегой спустились вниз по лестнице, оставив семейство Петровых одних в трапезной. – Аннушке расскажи, про все их обстоятельства, кроме чахотки. Эту проблему я ликвидирую и нечего пугать белошвеек попусту. Начнут еще шарахаться от них перепугано.

– Лихо у тебя получается, сколько раз наблюдаю за процессом излечения и всегда удивляюсь. Не понятно, что там за корь у твоих пацанов, при твоих талантах.

– А хрен его знает? Я же болезни только лечу, а бабьи выдумки у меня пока не получается. Матушка там чего-то выдумала. Краснуха, корь или стригущий лишай ей вечно мерещатся. Таскает пацанов на прививки к эскулапам. У нее целый график, когда от чего им иммунитет взбудоражить. Кайф она от этого получает. Ну а я не хочу ее удовольствия лишать, проявлять любовь к внукам. На прошлой неделе Пашка, а может Петька залез в банку с перцем молотым и нюхнул. Стоит, ревет и чихает. А тут Нина Андреевна влетает, ну и как запричитала: – Ребенок без присмотра, у него коклюш или ветрянka, наверняка. Держите их здесь, в этом

веке диком, а их нужно периодически педиатру показывать,— закатила скандал и уволокла всех в Питер. Теперь там пока все анализы не сдаст, не угомонится. Бедные пацаны. Особенно Петька... Или Пашка.

— Ты же говорил, что различаешь их запросто?

— Конечно, но на всякий случай сомневаюсь. Хитрющие ведь оба. Особенно Петька.

— Или Пашка?

— Ну да. Или он. Представляешь, бывают тройни. Вот где кошмар.

— И семерни бывают. А чего кошмар-то?

— Ну как же. Напакастит один кто-то и как родителям быть, если затихарился?

— Обыкновенно. Снимает родитель ремень и по всем задницам, чтобы не ошибиться.

— Вот так? По принципу,— «Одна задница за всех и все за одного»? Не справедливо же.

— Зато преступник точно не уходит от расплаты, ну и еще потом получает по загривку от всех.

— Нет — это не наш метод. Я по-другому действую в таких случаях.

— Как?

— Отправляю их к бабушке. Начинаю чем-нибудь интересным заниматься, а их демонстративно к бабуле. Она уже обижается,— «Опять надутых ко мне выгнал?»

— Так, а Катюша как разбирается?

– Она быстро разбирается. Глянет на них своим оком и сразу видит, который напакостил. Она их не путает и насквозь видит.

– Та-а-к. А ты не видишь?

– А я не лезу. Я и к другим не лезу – это все равно, что в замочную скважину подглядывать. Противно. Себя не уважать. Мерзавцев только «сканирую» при нужде крайней.

– Тебе противно, а Катюше можно?

– Так она же по-другому видит. Не в мозги лезет, как я. Она сердцем чует и только их, а другой если кто, так обведет ее вокруг пальца запросто. Она на прошлой неделе в супермаркет одна сходила за продуктами, вернулась без продуктов и денег. Да еще и ревет. Слезы в три ручья. Спрашиваю в чем дело? Оказалось, что к ней на улице подошел дядечка, весь из себя «Богом обиженный». Говорит, – «Мы сами не местные, погорельцы мы. Сидим на вокзале всей деревней». Ну, она и отдала все, что с собой было. Вот, наверное, бомжара удивился. Верит всем. Рот раскроет и верит. Лох жуткий.

– Просто добрая она, а люди это чувствуют, – заступился за Катюшу Серега.

– Ну да. И пользуются без стыда и совести. Особенно в 20-м.

– Почему там особенно?

– А потому что здесь люди побесхитростнее. Если говорит, что погорелец, значит, так оно и есть. И народу здесь меньше. А там все норовят облапошить друг друга. Опу-

стить, развести, лохануть, кинуть, бортануть, лапшу на уши навешать. В 18-том и слов-то таких не знают пока. Совесть у людей в этом веке не так заглушена. А в 20-м она уже попискивает едва слышно. Я как-то в метро ехал, смотрю, бабка идет в галошах веревкой подвязанных и причитает:– «Внуков троих одна воспитываю. Родители погибли в автокатастрофе. Помогите люди добрые. Кто чем может». Ну, и не удержался, заглянул в «замочную скважину». А там! Внуков сроду не было. Пенсию себе выбила по инвалидности какую-то немыслимую. И пропивает ее вместе с таким же уродом моральным, а потом по вагонам с плакатом ходит.

– Так и здесь вон на паперти сидят такие рожи, что от одного взгляда на них дурно делается и все стонут, тоже самое. Только не автокатастрофа, а «поветрие сгубило» и «недород с пожаром извел». Профессиональное нищенство всегда было и будет.

– Так тут действительно «поветрие и недород». А люди стесняются своего положения и норовят как-нибудь из него выцарапаться. Веры больше в Бога может быть?

– Да ну. Видимость одна. А прохиндеев меньше, потому что, как ты сказал, народу меньше. И потом, тут и нормально живущие вон в лохмотьях, как Петровы ходят. Заплата на заплате, блин. Поэтому просить-то чтобы, у такого населения и разжалобить, нужно и вовсе быть в отрепьях и струпьях. Ту же бабку, которую ты в метро увидел, если сюда переместить, то ее с паперти сразу прогонят, только за одни галоши,

да еще и на веревочках. Рядом с лапотниками в онучах она барыней будет выглядеть.

– Хорошая идея. Нужно эту бабку сюда на пару дней переместить. В воспитательных целях.

– Да она быстро сориентируется. Галоши снимет и будет голосить, что внуков одна «рОстит», а родителей «морская язва побилала».

– Бесполезно значит?

– Поздно. Бабку поздно. Пусть ходит по метро. Здесь ее только не хватает. Без нее тошно. Ты еще сюда наших нищих профессиональных потащишь. А взглянуть на их рожи было-бы любопытно,— хмыкнул Серега.— Представляю себе.

– Да чего там представлять. Неделю бы ни один не продержался. В этом веке.

– Как знать. Среди них встречаются весьма образованные особи. Опустившиеся, но кое-что знающие. На одних побасенках первое время бы кормились.

– Что-то проверять не хочется. Пусть живут спокойно. Черного кобеля... Мне жаль тех, кто хочет жить нормальной жизнью, а по какой-то причине не может. Вот как эта семья. Можно особенно не напрягаясь предсказать, как у них в дальнейшем сложится жизнь, если не помочь. Мать не жалец, дай Бог до лета бы дотянула, отец не работник на сто процентов и запил бы, после ее кончины. Детишки без присмотра. Двое уже с румянцем на щеках, а остальные, если от них не подхватят заразу, то вырастут озлобленными и попол-

нят ряды маргинальных элементов. Паперть, да кистень. Аннушка, как эта Мармеладова из «Преступление и наказание» Достоевского, жилы вытянет все из себя и состарится к тридцати годам. Замуж только если удачно выйдет, но это сомнительно. Кому бесприданница с таким хомутом на шее нужна? А ведь таких семейств если не пол Москвы, то треть точно. Нужна благотворительная организация. Типа дома призрения, для инвалидов, сирот, вдов и просто малоимущих. Давай Тихоновну на это подпишем. Сидит в этой школе, поварешкой гремит. Пусть займется настоящим делом. Откроет пару кружков кройки и шитья. Типа ПТУ. Тебе до конца месяца все равно заняться нечем. Раскрути и повесь все на Тихоновну. Она потянет.

– Точно. А ты чем занимаешься?

– Я аномальными зонами занимаюсь. Понимаешь, поставил задачу полосатым сделать анализ по всему шарiku и выявить закономерности. Ну, привязки хоть к чему либо. Не могут. К событиям только получается. Т.е. после того как громыхнет. Дело в том, что аномалии эти непостоянны и плавающие они. Перемещаются. Было уже два дня в 20-м, когда накрыло всю Евразию. Так получилось, что в эти дни ни кто, ни куда из нас не перемещался. Случайно. Поэтому и не заметили.

Тем более что анализ проводится только за последние пять лет 20-го. До этого только по косвенным приметам можно что-то предположить. Никакой закономерности пока не

выявлено. Человеческие мозги нужны. «Трояны» выдают кучу информации, место которой на 99% в корзине для мусора.

– А аномалия в Белоруссии? Там нам выдали точные координаты.

– Предположительно обозначили с размывкой границ плюс, минус пять км. А знаешь, из чего исходили? Из изменения атмосферного давления. Столбик полегчал на этих территориях. Однако когда проанализировали исходя из этого, то получили леопарда в горошек на всех обследуемых территориях. Причем как оказалось эти «горошины» – полная лажа. «Мазаришарифка» вся в ней оказалась, однако МЭ перла там как обычно. Короче, нужно выявить закономерность, чтобы не попадать впросак или плюнуть и обходиться без МЭ. Жили же без браслетов и ничего вроде, справлялись.

– Мы и без «Осп» жили и тоже вроде ничего. У тебя даже джипяра под задом заурчал. А какие прикольные арбузы были тогда. Эх!

– Ностальгия что ли, по ушедшим годам? Так это легко исправить. Оставляешь все прибаамбасы дома и валишь на улицу. Вон хоть во времена Ивана Грозного. То с татарами разборки, то с поляками. А хреново исполнишь волю государеву, сразу в опалу попадаешь. В смысле сажают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.